

INSPIRIA

Дженнифер Е. Смит

НЕПОТОПЛЯЕМАЯ ГРЕТА ДЖЕЙМС

A stylized illustration of a ship sailing on a sea. The background features a large, bright yellow sun setting behind blue mountains. The sky is filled with soft, colorful shapes in shades of orange, pink, and yellow. Several white birds are flying in the sky. The ship is dark with orange and white stripes on its side. The water is depicted in various shades of blue and green.

В некоторые путешествия
ты просто не можешь отправиться один

INSPIRIA

Дженнифер Е. Смит
Непотопляемая Грета Джеймс

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Смит Д.

Непотопляемая Грета Джеймс / Д. Смит — «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-184542-1

«Непотопляемая Грета Джеймс» – яркий, увлекательный, жизнеутверждающий роман о том, что любовь можно встретить в неожиданном месте. Восходящая рок-звезда Грета Джеймс наслаждается славой, гастрольями и вниманием поклонников. Но после внезапной смерти матери у Греты случается нервный срыв прямо на сцене, и музыкальная карьера оказывается под угрозой. Вместе с отцом она отправляется в недельный круиз по Аляске. Это их последний шанс наладить отношения и простить многолетние обиды. На корабле Грета знакомится с Беном Уайлдером, обаятельным историком, который тоже переживает трудные времена. Это путешествие в окружении захватывающих дух пейзажей изменит их навсегда. Последуют ли они за своими давно забытыми мечтами? «Красивая, трогательная, многообещающая книга. Настоящий триумф!» – Эмили Стоун, автор романа «Всегда в декабре» «Роман, наполненный музыкой, страстью и всеми видами любви». – Джилл Сантополо, автор бестселлера «Свет, который мы потеряли»

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-184542-1

© Смит Д., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

До	7
Глава 1	7
Суббота	9
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	20
Воскресенье	23
Глава 6	23
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дженнифер Е. Смит

Непотопляемая Грета Джеймс

Посвящается Сьюзан Кэмил, которая верила в эту книгу задолго до того, как я написала первое слово.

*Мы на пути к крушению.
Дж. М. Барри «Мальчики, потерпевшие крушение у острова Блэк-Лэйк»*

Jennifer E. Smith The Unsinkable Greta James
Copyright © 2022 by Jennifer E. Smith Inc.

Перевод с английского О. Солнцевой

В коллаже на обложке использованы иллюстрации: © Anatolii Frolov, vkulieva / iStock / Getty Images Plus / GettyImages.ru; © creativica_xeravin / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

© О. Солнцева, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Об авторе

Дженнифер Е. Смит – американская писательница, автор бестселлеров The New York Times. Популярность ей принесли работы «Статистическая вероятность любви с первого взгляда» и «Здравствуй, прощай и всё, что было в промежутке», которые были адаптированы для кино. Она получила степень магистра писательского мастерства в Сент-Эндрюсском университете в Шотландии, а ее книги переведены на тридцать три языка.

До

Глава 1

Грета стоит у окна отеля в Западном Голливуде, когда ее брат звонит ей в третий раз за день. На другой стороне улицы установлен билборд с изображением скользящей по бирюзовой воде изящной белой яхты, рекламирующий новый сорт пива, и благодаря чему-то такому в нем – наверное, чувству неприкаянности – ей проще сказать нет в наконец-то поднесенный к уху телефон.

– Да ладно тебе, – уговаривает ее Эшер, – это же всего на неделю.

– Целую неделю на лодке.

– На корабле, – поправляет он.

– Сейчас мне это нужно меньше всего, – говорит Грета, отворачиваясь от окна, свет за которым романтичен и розов.

Она только что вернулась с фотосъемки для обложки ее второго альбома, его выпуск состоится в июле. Грета с радостью отодвинула бы релиз на более позднее время, но, судя по всему, выбора у нее нет. Ее уже пригласили в Лос-Анджелес, где она проведет три дня в помещении бывшего склада в окружении камер со вспышками и хмурых боссов студии в костюмах и кроссовках, а также со стремлением не облажаться на лицах.

Последний раз она выступала два месяца тому назад, тогда со смерти матери не прошло и недели, и, находясь на сцене, чувствовала себя так, будто распадается на куски, но все должно идти своим чередом, хотя она почти не принимала участия в текущих делах.

На столе стоит тарелка с шоколадом и запиской отельного менеджера: «*Мы счастливы, что вы с нами*». И Грета думает о своей маме, которой больше нет и чье отсутствие так невероятно бесповоротно, что сердце у нее сжимается.

– А почему бы не поехать тебе? – предлагает она Эшеру, пытаясь представить, как будет проводить время с папой на лодке.

Круиз по Аляске – это идея ее матери. Она говорила только о нем почти год до самого марта, когда в голове у нее порвалась артерия и время, казалось, остановилось.

Теперь до круиза остался всего месяц. И ее папа все еще планирует поехать в него.

– Мы не можем отпустить его одного, – игнорирует ее вопрос Эшер. – Он затоскует.

– Он будет не один, – отвечает Грета, входя в ванную комнату, – с ним поедут Фостеры и Блумы. Они позаботятся о нем.

Она смотрит на свое отражение в зеркале, на ее лице все еще макияж для фотосъемки: красные губы, белая кожа, зеленые, подведенные угольным карандашом глаза. Темные волосы, обычно необузданные, прилизаны и укрощены. Она кладет телефон на край раковины, переключает его на громкую связь, затем открывает кран и начинает убирать с лица косметику.

– Он окажется пятым колесом, – настаивает Эшер, его голос разносится по ванной комнате, – а это угнетает. Кто-то из нас должен поехать с ним.

– Верно, – говорит Грета, – ты.

– Я не могу.

Грета выпрямляется. Ее кожа стала розовой, и теперь Грета больше похожа на себя, а это всегда приятно. Она берет полотенце и хлопает им себя по лицу.

– Дело в том, – объясняет она, снова беря телефон и возвращаясь в комнату, где плюхается на кровать, – что ты его любимчик.

– Грета, – на этот раз нетерпеливо возражает он, – сама знаешь, что я не могу никуда поехать.

И она, конечно же, знает это. У Эшера жена и три девочки, которым нет еще и пяти лет. У него работа с девяти до пяти, начальник отдела кадров и определенное число выходных, которые он обычно берет, когда дети болеют. Он уже много лет не летал самолетом. Грета же за прошедшую неделю делала это три раза.

Она вздыхает:

– И когда нужно ехать?

– В конце мая – начале июня.

– Пятого я должна быть на Губернаторском балу, – радуется она, что у нее есть законный предлог для отказа, неважно, как сильно она боится этого бала. Но ее ответ не обескураживает Эшера.

– Тебе везет, – говорит он, – все заканчивается четвертого.

– Ты же понимаешь, что это не просто очередной концерт, а очень важное событие.

– Важнее, чем папа?

– Это нечестно.

– Я не то чтобы призываю тебя сделать выбор. Но ты окажешься в Нью-Йорке как раз вовремя. А я слышал, что Аляска в это время года прекрасна. Может, там еще немного холодно, но папа копил деньги...

– Эшер?

– Да?

– Не думаю, что я в состоянии сделать это.

– Конечно в состоянии. Ты любишь воду. Помнишь, как мы плавали на каноэ?

– Ты знаешь, о чем я.

Он ненадолго замолкает, а потом говорит:

– Это же ради него, сама понимаешь.

И эти его слова наконец убеждают ее.

Суббота

Глава 2

Грета стоит в обширной тени огромного теплохода и удивляется, что такая махина способна плавать. Это управляемый с помощью руля отель, положенный набор небоскреб, монолит, дикий зверь. И ее неожиданный дом на предстоящие восемь дней.

Название судна написано на его широком белом боку: «Спасение» – и это единственное, из-за чего ей в данный момент хочется рассмеяться.

Вокруг нее сотни людей с навороченными камерами на груди, и все стремятся поскорее оказаться на борту и пуститься в аляскинское приключение. Слева большой город Ванкувер исчезает в серебристом сейчас, но грозящем дождем небе. Грета однажды выступала здесь, но ее впечатления от города, как и от многих других мест, где она побывала, ограничивались музыкальной тусовкой.

– У него одиннадцать палуб, – говорит папа, подходя к ней с планом теплохода в руке. На нем слишком тонкая ветровка и бейсболка, подаренная ему при открытии счета в банке. Со дня смерти его жены и матери Греты прошло три месяца, и впервые в жизни он выглядит на все свои семьдесят лет. – И восемь ресторанов. В четырех из них шведские столы.

Будь мама здесь, она непременно сказала бы: «Вау! Обязательно побываю во всех». Она сжала бы его руку и с сияющей улыбкой окинула бы взглядом все одиннадцать палуб.

Но Хелен здесь нет. Здесь только Грета, до сих пор неспособная поверить в то, что Эшеру удалось втянуть ее в это предприятие.

– Клево, – отзывается она, пытаясь изобразить энтузиазм, но ее усилия пропадают втуне, потому что папа бросает на нее отсутствующий взгляд и возвращается к плану.

Предполагалось, что это будет праздник, путешествие в честь сороковой годовщины свадьбы; они планировали отправиться в него почти что год, а копили деньги еще того дольше. На последнее Рождество – с тех пор прошло пять месяцев – Хелен подарила Конраду календарь с фотографиями ледников, а он ей – новую флисовую куртку взамен старой, пообтрепанной и вытершейся после многих лет работы в саду. Они купили один на двоих бинокль, тяжесть которого основательно ощущается на шее, и каждый раз, когда в газетах появлялась статья об Аляске, Хелен вырезала ее, клала в конверт, наклеивала марку и отправляла – действительно отправляла по почте! – Грете с пометкой «Обрати внимание», словно она тоже поедет с ними.

Эта новая куртка – голубая и невероятно мягкая – лежит теперь в сумке Греты, которую только что занесли на борт. Ее мать так ни разу и не надела ее – берегла для путешествия.

Теплоход дает гудок, и очередь на посадку продвигается вперед. Позади Греты еще четверо взрослых – даже в свои тридцать шесть она не может не думать о них именно так – уже строят планы, спорят о том, куда пойдут в первый вечер путешествия: в казино или на мюзикл. Это давние друзья ее родителей, и у каждой из пар имеются свои причины на то, чтобы быть здесь: Фостеры недавно вышли на пенсию, а Блумам скоро исполнится по семьдесят. Но все знают, что подлинной движущей силой задуманного была Хелен, чье воодушевление по поводу путешествия было таким заразительным, что она так или иначе уговорила их принять в нем участие.

Мимо проходит стюард, и Грета видит, как он останавливается, а потом, повернув обратно, направляется к ней. Он показывает на ее гитару в футляре, которую она повесила на плечо, как только они вышли из такси.

– Хотите, чтобы я помог вам с этим, мэм? – спрашивает он, и она старается не вздрогнуть при слове «мэм». На ней короткое черное платье, кеды и очки от солнца. Волосы стянуты в

небрежный пучок на макушке, а через свободную руку переброшена кожаная куртка. Она не из тех, кто привык к обращению «мэм».

– Все хорошо, – отвечает она, – я оставлю это при себе.

Ее папа хмыкает:

– Вы не сможете забрать у нее эту вещь, даже если ее владелица упадет за борт.

– И я ее в этом не виню, – говорит Дэвис Фостер, подходя к ним сзади; над лысой головой он держит карту Ванкувера, спасаясь от начинающего накрапывать дождя. – Было бы невероятно жалко потерять ее.

Грета знает Фостеров с двенадцати лет, с тех пор как они поселились по соседству. Первая черная семья в их квартале. Грета немедленно влюбилась в их младшего сына Джейсона, учившегося на два класса старше ее. Ничего особенного между ними не происходило до гораздо более позднего времени. Оба оказались в Нью-Йорке, но и тогда их отношения не стали сколько-нибудь серьезными – в основном они сходились в отсутствие постоянного партнера. Родители ничего об этом не знали, иначе, вероятно, стали бы планировать свадьбу, чего Грета и Джейсон совершенно не хотели.

Дэвис кивком показывает на футляр с гитарой.

– Держу пари, на eBay это будет стоить целое состояние, – шутит он, и его жена Мэри довольно сильно толкает его в грудь. Он, притворяясь, что ему больно, сгибается пополам. – Я же пошутил.

Мэри – женщина высокая и стройная, у нее темно-коричневая кожа и короткая стрижка, делающая ее большие глаза просто огромными. Сейчас они внимательно смотрят на Грету.

– Мы знаем, что в твоих руках она бесценна, – говорит она, и в ее взгляде читается нечто покровительственное.

Мэри и Хелен быстро подружились, и Дэвис любил шутить, что короткую дорожку через сад между их домами следовало бы назвать *черной дырой*, поскольку, стоило кому-то из них ступить на нее – с бутылкой вина в руке, и они оказывались потерянными для остального мира. По крайней мере, на несколько часов.

И теперь Грета почти физически ощущает, что Мэри полна решимости заботиться о ней. И это успокаивает, будто ее мама душой все еще с ними.

– Знаешь, что тебе нужно сделать? – спрашивает Элеанор Блум с присущим ей легким ирландским акцентом, просяив от посетившей ее мысли. На ней дизайнерский плащ, ее длинные серебристые волосы лежат идеально, как и всегда, хотя воздух сейчас влажный. – Ты должна дать небольшой концерт в море. Это будет потрясающе – увидеть, как ты выступаешь.

– Не знаю... – тянет Грета, хотя, конечно же, она знает: не может быть и речи, чтобы она играла на круизном теплоходе. Если честно, это невозможно в принципе и в особенности теперь.

– Я видела, что в последний вечер состоится большой концерт, – гнет свое Элеанор. – В нем может принять участие кто угодно. И я уверена: все будут просто ошеломлены, если выступит профессионал.

– Все выступающие здесь – профессионалы, солнышко, – говорит ее муж Тодд, как всегда тихо и мягко. Главная страсть Тодда – птицы, и он обычно проводит выходные на болоте, высматривая белых цапель и водоплавающих птиц. Раз в год его орнитологический клуб совершает путешествие в какое-нибудь отдаленное место, которое он видит исключительно в бинокль, но на Аляске он еще не был, и справочник птиц штата все утро зажат у него под мышкой, и в нем уже много загнутых страниц. – На таких теплоходах обычно путешествуют очень интересные люди, – обращается он к Элеанор. – Комики, фокусники, бродвейские танцоры.

– Но не рок-звезды, – замечает Элеанор. – Все они в подметки не годятся Грете Джеймс.

Она произносит это так, словно Грета не стоит прямо перед ней, вежливо улыбаясь, а имеет в виду кого-то еще: Грету Джеймс – гитаристку, культовую инди-певицу и автора песен, а вовсе не Грету Джеймс – дочь Конрада и Хелен, которая научилась играть на гитаре в гараже в окружении полок с инструментами и в присутствии изгнанных из дома из-за неприятного запаха песчанок Эшера и которая опять чувствует себя ребенком, отправляясь в странное семейное путешествие, будучи неадекватной заменой самого важного члена их группы.

Грета обращает внимание на мужчину, стоящего в конце соседней очереди. Он выделяется среди пожилых пар и молодых семей. У него аккуратная борода и квадратная челюсть, и он носит очки, какие могут принадлежать как нерду, так и хипстеру, трудно сказать, что из этого верно. Он держит старомодную пишущую машинку, пристроив ее под мышкой, как футбольный мяч. Грета внимательно рассматривает его, но потом замечает, что он смотрит на ее футляр с гитарой, и им ничего не остается, как обменяться глуповатыми улыбками, после чего он исчезает в толпе.

– Просто подумай об этом, – говорит Элеанор, и Грета снова обращается к ней:

– Спасибо, но...

– Это для нее слишком мелко, – приподняв бровь, вступает в разговор папа, и его слова не кажутся ей комплиментом.

Наступает непродолжительное молчание, а потом Элеанор, пытаясь сделать вид, что не побеждена, произносит:

– Думаю, вы правы. Почему-то мне в голову пришла такая мысль.

– Ничего страшного, – качает головой Грета, – я просто... у меня не так много свободного времени, и потому...

Она замолкает, осознавая, что свободного времени у нее сейчас навалом.

Мэри смотрит на Грету с восхищением:

– Помню, как ты по вечерам играла на гитаре в гараже...

Дэвис раскатисто смеется:

– И ты, ребенок, делала это отвратительно. Но была очень упорной. Этого у тебя не отнять.

– Так оно и есть. – Элеанор снова поворачивается к Конраду: – Много ли людей, повзрослев, занимаются тем, о чем мечтали, будучи молодыми? Ты должен гордиться дочерью.

Конрад переводит взгляд на Грету, и они долго смотрят друг на друга. И наконец он кивает:

– Да, мы и гордимся.

И это двойная ложь. Он не делает этого. И никакого *мы* больше нет.

Глава 3

Каюта такая крошечная, что Грета, сидя на краю кровати, может дотронуться до стены. Но она не имеет ничего против этого. Последние четырнадцать лет она провела в Нью-Йорке, где пространство – роскошь, и потому преуспела в искусстве жить компактно. Большой проблемой для нее является отсутствие окон. Когда она заказывала себе место на теплоходе, там оставались только внутренние каюты. В каюте Конрада были большие стеклянные двери, выходящие на веранду, а обитель Греты больше походила на тюрьму с минимальной охраной: маленькая, в бежевых тонах и едва пригодная для проживания.

Семь ночей, думает она, всего семь ночей.

Она кладет гитару на кровать рядом с толстой черной папкой. Внутри папки расписанный по дням маршрут путешествия. Сегодня и завтра они будут плыть по морю, по Внутреннему Проходу (она понятия не имеет, внутри чего он находится), а потом посетят Джуно, Глейшер-Бэй, Хейнс, Айси-Стрейт-Пойнт, после чего проведут еще целый день в море, возвращаясь в Ванкувер.

Каждому порту захода посвящено по несколько ламинированных страниц со списками рекомендуемых экскурсий, ресторанов, походов и достопримечательностей. Имеется здесь и весьма интересная информация о теплоходе: планы помещений и меню ресторанов, инструкции, как получить спа-процедуры, детальные описания всех клубов и баров, лекций и вечеров игр. Можно целую неделю решать, как провести неделю на теплоходе.

Грета захлопывает папку. Совсем скоро теплоход отчалит, и ей не хочется сидеть внутри него, подобно кроту, когда это произойдет. Если она действительно отправляется в круиз – а на настоящий момент, кажется, так оно и есть, – то нужно, по крайней мере, стать свидетельницей его начала. В конце-то концов, именно так поступила бы ее мама.

Снаружи несколько человек приросли к шезлонгам под низким ванкуверским небом, но большинство собрались на краю палубы и смотрят либо на город, либо на ссутулившиеся горы, нависающие над водой. Грета находит свободное место между пожилой парой и группой женщин средних лет в одинаковых розовых толстовках с надписью «В пятьдесят лет секс только начинается». Они смеются и передают друг другу фляжку.

Грета опирается об ограждение и делает глубокий вдох. Гавань пахнет морской солью и рыбой, а далеко внизу десятки крошечных фигур бешено машут отъезжающим, словно те пускаются в опасный путь, а не в восьмидневный круиз по программе «Все включено» с четырьмя шведскими столами и водной горкой.

В небе кружат птицы, а ветер тяжел от соли. Грета на минуту закрывает глаза, а когда снова открывает их, чувствует, что на нее кто-то смотрит. Она поворачивается и видит девочку не старше, наверное, двенадцати-тринадцати лет, стоящую у ограждения в нескольких футах от нее. У нее светло-коричневая кожа и черные волосы, и она взирает на Грету очень уж пристально.

– Привет, – говорит Грета, и глаза девочки расширяются, а сама она оказывается застигнутой в состоянии между восхищением и смущением. На ней розовые кеды и обтягивающие джинсы с дырками на коленях.

– Вы... Грета Джеймс? – неуверенно спрашивает она.

Грета весело приподнимает брови:

– Да.

– Так я и знала. – Девочка удивленно смеется. – Вау! Это так прикольно. И так странно.

Не могу поверить, что вы плывете на этом теплоходе.

– Если честно, – отвечает Грета, – я тоже.

– Я балдею от вашего альбома. А в прошлом году в Беркли была на вашем концерте, – говорит она, и слова быстро слетают с ее губ. – Блин, вы способны порвать всех. Никогда прежде я не слышала, чтобы девушка так играла.

Эти слова вызывают у Греты улыбку. Она не ожидала, что участники круиза по Аляске и слушатели ее концертов могут пересекаться. Она выступает на больших площадках, ее песни звучат по радио, ее фанаты живут по всему миру, ее фотографии были даже на обложках нескольких музыкальных журналов. Но Грету редко узнают на улице за пределами Нью-Йорка или Лос-Анджелеса, особенно такая вот молодежь.

– А ты играешь? – спрашивает она девочку, и та энергично кивает. И в этом нет застенчивости или ложной скромности, просто подтверждение: она играет.

Грета вспоминает себя в ее возрасте, она уже была полна уверенности в себе, поскольку начала осознавать, что гитара – это гораздо больше, чем игрушка, и даже больше, чем музыкальный инструмент. Она уже знала, что это открытая дверь и благодаря ее таланту дорога за этой дверью может привести к чему-то существенному.

Первую гитару купил папа. Грете было всего восемь, инструмент предназначался Эшеру, которому было двенадцать, но даже тогда он мало интересовался чем-либо, кроме футбола. Гитара была акустической, и подержанной, и слишком уж большой – пройдет несколько лет, прежде чем она дорастет до нее. Иногда по вечерам Конрад, вернувшись с работы, стоял у открытого гаража, и в темноте был виден огонек его сигареты. Он смотрел, как Грета пытается разобрать ноты, словно головоломку. И если у нее получалось, он аплодировал, зажав сигарету в губах.

Тогда ему нравилось, что она играет. А музыка не являлась предметом спора. Каждый вечер после ужина он ставил старый альбом Билли Джоэла, и они мыли посуду, напевая под аккомпанемент крана Piano Man, и Хелен смеялась, а Эшер закатывал глаза.

Девочка трогает шелушащуюся краску на ограждении.

– Я пыталась сыграть «Песню птицы», правда, – говорит она, упоминая не слишком популярный трек из альбома Греты, и этот ребенок начинает нравиться ей еще больше.

– Это сложная вещь.

– Знаю, – соглашается девочка, – гораздо сложнее, чем «Я же говорила».

Грета улыбается. «Я же говорила» – первый сингл из ее дебютного альбома, вышедший пару лет тому назад, и на сегодняшний день самый популярный ее трек – он достиг такого уровня успеха, что его знают даже люди, никогда не слышавшие о Грете Джеймс.

– Не нравится тебе мейнстрим? – спрашивает она, и девочка важно кивает.

– Я предпочитаю более серьезные вещи.

Грета смеется:

– Это правильно.

Теплоход дает один гудок, потом два, и все на палубе замирают и переглядываются. Двигатели начинают работать, и вода бурлит от их вибрации. Где-то оживает невидимый громкоговоритель.

– Добрый день, пассажиры, – раздается чей-то слегка приглушенный голос, – это капитан Эдвард Уинсдор. Приветствую вас на борту нашего теплохода и хочу сообщить, что, прежде чем мы покинем порт, вам дадут краткую информацию о правилах безопасности. Будьте добры, возьмите спасательные жилеты и подойдите к местам сбора.

Девочка смотрит на рдеющую толпу.

– Наверное, мне нужно найти моих родителей. Но так здорово, что я с вами встретила. Может, мы еще увидимся?

Грета кивает:

– Как тебя зовут?

– Прити.

– Рада была познакомиться с тобой, Прити. Я найду тебя, когда мне захочется поговорить о наших с тобой делах, хорошо?

Лицо Прити светлеет, она машет на прощание рукой и быстро уходит.

К тому времени как Грета, взяв из каюты спасательный жилет, приходит на инструктаж, ее маленькая команда уже в сборе. Конрад хмурится при виде ее наброшенного на одно плечо жилета. Во время войны во Вьетнаме он был морским офицером, служил на патрульном катере в западной части Тихого океана и привык серьезно относиться к подобным вещам.

Вокруг нее целое ярко-оранжевое море: все надели спасательные жилеты, даже Дэвис Фостер, рост которого шесть футов семь дюймов, а плечи такие широкие, что кажется, будто на шее у него надувная детская игрушка. Грета натягивает жилет через голову и застегивает его, надеясь, что поблизости нет других ее поклонников. Ей не хотелось бы, чтобы кто-то сфотографировал ее в таком виде.

– И хотя очень сомнительно, что вас поджидает подлинная опасность, очень важно быть готовыми к ней, – говорит мужчина, назвавшийся капитаном их группы.

За его спиной Грета видит прикрепленные к борту спасательные шлюпки, похожие на украшения на дереве. Мужчина ровным голосом излагает наихудшие варианты развития событий, перечисляет опасности, которые могут – хотя это вряд ли – подстергать их в этом плавающем городе. Точно так доктор разговаривал с Гретой после обнаружения аневризмы у ее матери. Тогда Грета, застрявшая в аэропорту Берлина, где выступала перед десятками тысяч человек, настояла на разговоре. Ее мама к тому времени впала в кому, и контраст между ужасными вещами, о которых он говорил, с его спокойным тоном был настолько ошеломительным, что ей захотелось швырнуть телефон через всю зону выхода на посадку.

– Если вы увидите, что кто-то упал за борт, – продолжал мужчина почти что радостным голосом, – пожалуйста, бросьте ему спасательный круг, затем крикните: «*Человек за бортом!*» и проинформируйте об этом члена команды, который окажется поблизости.

Легкая волна смеха пробегает по толпе, когда пассажиры шепотом строят предположения о том, кто первым из них окажется в воде. Дэвис так внезапно хватается Мэри за плечи, что она вскрикивает. Элеанор берет Тодда за руку, словно желает приковать его к себе, но он занят тем, что смотрит на маленькую радужную птичку, видную на кусочке неба между палубами.

– Пурпурная лесная ласточка, – взволнованно шепчет он, настраивая бинокль. Но тот запутался в его спасательном жилете, и когда Тодд наконец подносит его к глазам, птица уже улетела.

Грета подтягивает лямки своего жилета, смотрит вокруг и замечает неподалеку парня, которого недавно видела с пишущей машинкой. Он фотографирует на телефон собравшихся на инструктаж людей, а потом печатает сообщение. И Грета гадает, кому он отправит фотографию. После чего гадает, почему она гадает об этом.

– Ты не слушаешь, – говорит папа себе под нос и легонько толкает ее, инструктор тем временем смотрит в их сторону, и под его взглядом Грета чувствует себя двенадцатилетней девочкой. Но он лишь улыбается ей и продолжает детально живописать все опасности, в которых они могут оказаться в последующие восемь дней.

Глава 4

Несмотря на разговоры о шведском столе, папа заказывает в их первый вечер на теплоходе столик в самом что ни на есть чопорном ресторане, где скудно освещенное море белых скатертей окружает танцпол. За окнами сыро и туманно. Солнце заходит здесь в девять часов, и сумерки постепенно берут свое – оранжевый свет переходит в розовый и серый.

– Итак, Грета, – говорит Элеанор Блум, когда им приносят напитки. На ней элегантный черный брючный костюм, и она уже успела уложить волосы в салоне. Грете всегда казалось, что Элеанор слишком гламурна для Колумбуса, штат Огайо. Она познакомилась с Тоддом десятки лет тому назад во время путешествия в Нью-Йорк в компании подруг из Дублина. А он был там на конференции по страхованию, Элеанор же осматривала достопримечательности, оба оказались на Таймс-сквер во время проливного дождя. Грета всегда удивлялась, что такой человек, как Тодд: невероятно добрый, но невыносимо скучный, – смог воодушевить Элеанор на то, чтобы она перебралась ради него через океан. Но, видимо, ее первый муж был просто чудовищем, а Тодд обеспечил ей стабильность, и она обрела пространство для того, чтобы блистать. Что она и делала. – Как у тебя с твоим очаровательным бойфрендом?

Грета делает большой глоток вина, пытаясь решить, что ответить. Они расстались почти три месяца тому назад, сразу после смерти ее матери, но все же слово «*бойфренд*» выводит ее из равновесия, равно как и слово «*очаровательный*». Люка можно описать по-разному: он блестящий и нервный, сексуальный и приводящий в бешенство, но только не *очаровательный*.

– На самом деле мы... – начинает она, но сразу же замолкает и делает еще один быстрый глоток вина. – Мы вроде как решили...

– Они расстались, – с неестественной радостью сообщает Конрад. – Разве вы, ребята, не получили мое письмо?

Грета чувствует, как к ее щекам приливает жар. Она не понимала прежде, что ее отец огорчен этим. Разрыв с Люком последовал почти сразу за похоронами, и никто из них не был в состоянии разговаривать о чем-либо. Но ей хотелось, чтобы отец узнал о случившемся от нее, а не от Эшера. И она отправила ему коротенькое письмо. Он не ответил ей, и они никогда об этом не говорили.

– Мне очень жаль, – сокрушается Мэри и, звеня браслетами, берет с тарелки булочку. Мэри Фостер – единственный знакомый Грете человек, который способен так много выразить при помощи бровей, а теперь они у нее взметнулись выше некуда. – Я знаю, он действительно нравился твоей маме.

Это совершенно не так, но Грета не возражает ей. Ее родители общались с Люком всего два раза. Впервые – на торжественном обеде в Нью-Йорке по случаю выхода ее дебютного альбома, она тогда струсилась и представила его лишь как своего продюсера – боялась, узнай они, что он значит для нее гораздо больше, и возненавидят его по тысяче разных причин: за заткнутую за ухо сигарету и за сплошные тату на обеих руках, за тягучий австралийский акцент и за то, как он презрительно усмехался, когда кто-то из тех, кого он считал ниже себя, заговаривал об их группе.

– Мы столько слышали о вас, – сказала тем вечером ее мама и, храбро улыбаясь, пожала ему руку. – И альбом просто чудесный. Вы вместе создаете прекрасную музыку.

Люк не смог сдержаться и разразился хохотом. И Грета до сих пор помнит, какое при этом было лицо у Конрада – на нем читалось зарождающееся разочарование от понимания, как обстоят дела на самом деле.

Когда они встретились второй раз, у них с Люком все было уже гораздо серьезнее, и она привезла его домой в Колумбус на Четвертое июля. И целых два дня он все делал правильно: собирал с ее племянницами конфеты во время городского парада, помогал маме украшать

капкейки американскими флажками (добавив для разнообразия один австралийский), подарил папе бутылку его любимого виски. Он даже расспрашивал Конрада о его работе по продаже рекламы в телефонном справочнике, не намекая на то, что такая работа больше не востребована.

В последнее утро Грета обнаружила его во внутреннем дворике, где он пытался починить сломанный мангал. Она смотрела на Люка, склонившегося над ним, словно над звуковым пультом в студии – он корректировал ее песни до тех пор, пока они не начинали почти что совпадать с тем, что звучало у нее в голове, – и удивлялась, что нечто столь обыденное может быть и столь привлекательным.

Но потом, когда они ждали самолет, чтобы улететь в Нью-Йорк, он обнял ее за плечи.

– Не могу дождаться, когда наконец окажусь дома, – сказал он, она пробормотала что-то в знак согласия, и он со вздохом откинул голову назад: – Если бы я жил так, то застрелился бы.

Именно эта мысль посещала Грету каждый раз, когда она возвращалась домой. Именно эта мысль заставляла ее по вечерам братья за гитару в промерзшем гараже, когда она была моложе, и побудила уехать учиться в колледже в Западной Калифорнии в двух тысячах миль от дома, а потом катапультиться на противоположном побережье океана.

Вот что управляло ею все эти годы – страх заостенеть, остановиться, быть заурядной. Именно это помогало ей идти вперед, невзирая на стену, которая выросла между ней и ее папой, кирпичами в которой становился каждый шаг в ее нетипичной жизни, каждое ее решение, уводящее все дальше от Огайо, от работы с девяти до пяти, и ипотеки, и белого забора, от жизни, которую ведет ее брат и которую ведет подавляющее большинство: поначалу стабильная работа, затем вступление в брак, затем дети, – то есть от всего надежного и предсказуемого.

Но услышать такие слова от Люка – Люка, который пьет только из обычных банок и носит вязаную шапочку даже летом, который может зажечь сигарету на ветру и знает слова всех ее песен, – это было слишком.

– Не так уж это и плохо, – сказала она, глядя на появившийся в окне их самолет, медленно продвигающийся к похожему на аккордеон трапу. Ее всегда поражало, что расстояние между Колумбусом и Нью-Йорком можно преодолеть всего за пару коротких часов, и это при том, что два этих города, казалось ей, находятся в совершенно разных вселенных. Сидящий рядом с ней Люк выпрямился.

– Не может быть, что ты это серьезно, – сказал он, его акцент усилился, как бывало, когда он говорил что-то язвительное. – Не могу даже представить, как ты жила там, будучи ребенком. Впрочем, не бери в голову.

– Я не говорю, что хотела бы жить там, просто это действительно не так уж и плохо.

– Что именно тебе нравится? Жизнь в пригороде?

– Нет, – отвечает она, – мне нравится возвращаться домой.

– Между мной и *моими* родителями, – усмехается он, – пятнадцать тысяч километров – и этого явно недостаточно.

Тогда она не поняла сказанного, но этот разговор оказался первым шагом к их расставанию.

Мэри, сидящая напротив Греты, все еще выжидательно смотрит на нее.

– Нам не суждено быть вместе, – говорит ей Грета.

– Может, и так, – произносит ее папа, – или же вы не хотели этого.

– Конрад, – укоряет его Мэри точно таким тоном, к какому прибегла бы Хелен, и Грета благодарно улыбается ей. Но в словах отца нет ничего удивительного и нового для нее.

Она поворачивается к нему и видит мятый воротник его рубашки, ведь рядом с ним нет мамы, которая погладила бы его. Он же смотрит на нее так, как и все последние двадцать лет: словно она математическая задача, которую ему не под силу решить.

– Что? – отзывается он, словно не хочет в тысячный раз спорить на заезженную тему. Дело не в Люке. И даже не в том, что она не собирается устраивать свою жизнь, хотя это и является частью проблемы. Просто жизнь, какую он желает для нее, кардинально отличается от той, какую хочет для себя она, а музыка – это лодка, увозящая ее все дальше от исполнения его желаний.

– Он тебе даже не нравился, – говорит Грета, и хотя голос у нее беззаботный, в нем звучат явственные металлические нотки.

– Но тебе-то нравился, – подчеркивает Конрад, – и я не очень понял, что произошло.

Произошло то, хочет сказать она, что ее мама умерла. То, что Хелен впала в кому, и мир для Греты перевернулся. Но это, разумеется, далеко не все. Это только причина.

А вот следствие: Грета отыграла половину своего шестидесятиминутного выступления на музыкальном фестивале в Берлине, а ее брат тем временем звонил и звонил ей, и Люк ответил ему. И закончив играть, Грета узнала, что он уже заказал ей билет на самолет до Колумбуса.

– Мне одной? – спросила Грета, шокированная этим обстоятельством. Она стояла с ним за кулисами, все еще потная и взвинченная после концерта, и старалась вникнуть в только что преподнесенную ей новость. Его, казалось, удивил ее вопрос, и это показалось ей странным. Они к тому времени были вместе два года, и это, полагала она, означало, что она могла рассчитывать на его поддержку.

– Ну, – сказал он, запустив руку в волосы. На сцену вышла другая группа, и они услышали глухой рев приветствий и аплодисментов. – Мне кажется, это семейное дело, верно? Я не был уверен, что ты захочешь, чтобы я находился там с тобой.

Она уставилась на него:

– Значит, ты просто вернешься в Нью-Йорк?

– Нет, – ответил он. По крайней мере, у него хватило здравого смысла на то, чтобы выглядеть смущенным. – Думаю, раз уж я здесь, останусь в Берлине до конца фестиваля.

Вот что, хочется сказать ей, произошло. Или же это стало началом конца. Люк зажег спичку, но именно Грета сожгла все до основания недель позже. Но она не может рассказать об этом своему папе. И говорит только:

– Все сложно.

Конрад приподнимает брови:

– На самом-то деле нет. Такое случается сплошь и рядом. Ты некоторое время встречаешься с кем-то, а потом тебе становится скучно, и ты порываешь с этим человеком.

– Все непросто, папа.

– А я уверен, это не так.

Грета болтает вином в бокале, осознавая, что их слушают четыре человека, и каждому из них становится все неудобнее.

– Жизнь иногда вмешивается в наши решения.

– Это потому, что твоя жизнь не располагает к длительным отношениям. – Отец берет меню и изучает список закусок. – Они не возникают сами по себе. Для них нужно освободить место.

Грета стискивает зубы.

– Мне нравится моя жизнь, какая она есть.

– И это правильно, – говорит Дэвис с другого конца стола, а когда все поворачиваются к нему, пожимает плечами: – Жизнь у нее просто обалденная.

Когда Дэвису было за двадцать, он играл на пианино в джазовом трио, и у него имелся миллион историй о старых добрых днях в Чикаго, о ночах с друзьями, наполненных виски и музыкой. Грета знает, что ему нравится его теперешняя жизнь – у него жена, которую он обожает, и трое выросших детей, которые просто чудесны, и еще несколько недель назад, до

выхода на пенсию, он был любимым почтальоном местных жителей. Но когда речь заходит о карьере Греты, в его взгляде скользят, с одной стороны, зависть, а с другой – тоска.

К ним подходит официант, они делают заказы и отдают меню, и Грета думает, что разговор окончен. Но тут Конрад, который все это время смотрел в свой бокал с виски, снова поворачивается к ней.

– Ты знаешь, что я хочу для тебя только самого лучшего, верно? – спрашивает он и выглядит при этом таким старым, таким несчастным, что Грета готова ответить ему: «Верно». Но обнаруживает, что не способна сделать это.

– Нет. Ты хочешь, чтобы моя жизнь была похожа на жизнь Эшера.

– Я хочу, чтобы ты была счастлива.

– Ты хочешь, чтобы я остепенилась, – стоит на своем она, – а это разные вещи.

Мэри отодвигает свой стул и кладет салфетку на стол.

– Знаете что? Думаю, нам следует немного покрутиться на танцполе.

– До ужина? – хмурится Дэвис.

– Да, – твердо отвечает она, и Блумы тоже встают со своих мест.

– Мы с вами. – Элеанор берет Тодда за руку. – Сейчас самое время потанцевать.

– Да это вальс, – говорит тот, но послушно следует за ней на танцпол, и Грета с Конрадом остаются одни.

Какую-то секунду они просто смотрят друг на друга, затем на стол – на разбросанные по нему салфетки, на заляпанные губной помадой бокалы – и Грета, кажется ей, вот-вот рассмеется. Но вместо этого она прочищает горло и говорит:

– Послушай, я знаю, ты хочешь, чтобы я больше походила на Эшера, но...

– Это не...

– Да ладно тебе, – произносит она теперь более мягко. – Мама с нами больше нет, и играть роль рефери некому. Меньшее, что мы можем сделать, так это быть честными друг с другом.

Он вздыхает:

– Ты хочешь, чтобы я был честен с тобой?

– Да, – с некоторым трудом выговаривает Грета.

– О'кей. – Он разворачивается, чтобы лучше видеть ее. Свет за его спиной мягкий и расплывчатый, и Грета замечает в окне отражение Дэвиса, кружащего в вальсе Мэри. Она заставляет себя снова перевести взгляд на Конрада, у которого, как и у нее, зеленые глаза, загадочный, как и у нее, взгляд. – Сама знаешь, твоя мама была твоим главным чирлидером...

– Папа, – говорит Грета охрипшим голосом, потому что, хотя именно мама вырастила и воспитала ее, ей кажется, что он немного жульничает, ссылаясь на нее теперь. – Не надо.

Он выглядит удивленным:

– Не надо что?

– Мы говорим не о ней. А о тебе и обо мне.

– Вот что я хочу сказать, – качает он головой, – знаю, она понимала музыку лучше, чем я, но все же беспокоилась о тебе.

Грета изо всех сил старается сохранить бесстрастное выражение лица. Не хочет, чтобы он увидел, как сильно ужалили ее его слова. Она в каком-то смысле давно махнула на него рукой, приняла тот факт, что он не слишком считается с ее мечтами. Но мама считалась. И Грете было довольно этого.

– Сам не знаешь, о чем говоришь.

– Она была самым большим твоим фанатом, – продолжает он, и взгляд у него неожиданно становится совершенно отсутствующим. – Но она волновалась за тебя. Беспокоилась, что ты одна, что так много едешь по свету, что пытаешься удержаться на плаву, работая в очень

нестабильной индустрии. Может, ей удавалось скрывать это лучше, чем мне, но страх за тебя присущ – был присущ – не только мне, но и ей тоже.

Грета сидит совершенно неподвижно и позволяет его словам пройти мимо ее сознания. Спустя несколько секунд Конрад наклоняется к ней, и его взгляд становится другим.

– Прости, – произносит он, – я не хотел...

– Все хорошо.

Песня заканчивается, и посетители ресторана вяло аплодируют. Конрад откашливается:

– Без нее нам не слишком-то хорошо, да?

– Да, – соглашается она, – не слишком.

– И чем дальше, тем тяжелее.

Она кивает, удивляясь, как быстро на ее глаза наворачиваются слезы. Но он прав: теперь им приходится труднее.

– Но я рад, что ты поехала в это путешествие, – говорит он, и, сама того не желая, Грета смеется. Конрад наклоняет голову: – Что такое?

– А я только что подумала, что не стоило мне ехать.

– Ну, – пожимает он плечами, – я рад, что ты сделала это.

– Правда? – спрашивает она, внимательно глядя на него, но тут к столу возвращаются Фостеры и Блумы, смеющиеся, полные впечатлений о своих приключениях на танцполе, и официант приносит салаты, и небо за окном, темнея, приобретает другой оттенок, и теплоход плывет в ночи, и только потом Грета осознает, что он так и не ответил на ее вопрос.

Глава 5

После ужина Грета идет к себе в каюту и усаживается по-турецки на кровать, гитара лежит у нее на коленях. Остальные пошли попытать счастья в казино, но под конец такого дня ей не хочется иметь дело с шумными игровыми автоматами.

Зажав в губах медиатор, она наигрывает на старом деревянном «мартине». Грета редко путешествует с ним; он больше, чем компактные электрические гитары, с которыми она обычно выступает. Но эта гитара у нее уже целую вечность, и ей хорошо с ней, как с потрепанной книгой, зачитанной и любимой. Она купила ее, когда училась в колледже, накопив чаевые, полученные во время работы официанткой в местном «Олив гарден», и каждая корзиночка с сухариками приближала ее к цели. И хотя сейчас у нее есть буквально дюжины гитар – большей частью изящных, и элегантных, и сверкающих, и мощных, – Грета до сих пор часто играет на этой, и каждая взятая на ней нота отдается воспоминаниями.

Она берет одинокий аккорд, и звук у него яркий, как свет спички в небольшом пространстве хижины. Затем следуют еще аккорды, и она понимает, что играет начало «Астрономии». Грета резко поднимает руки, словно притронулась к чему-то горячему, и, как прилив, в каюту стремительно возвращается тишина.

Это пока скорее идея, а не полноценная песня. Она начала писать ее во время полета из Германии, все еще пребывая в шоке от известия об аневризме у мамы. Она пыталась заснуть, но не смогла. Попыталась выпить, но руки у нее отчаянно тряслись. Небо за иллюминатором было совершенно черным, и отсутствие звезд на нем казалось зловещим. Ее мутило.

Она закрыла глаза и подумала о сияющих в темноте звездах на потолке спальни у себя дома, о том, как ее мама показывала на них, прочитав ей на ночь какую-нибудь сказку. Воспоминание об этом вселило в нее некоторую надежду, и она достала блокнот и начала писать, стараясь каждой строчкой прогнать темноту, это было ее молитвой.

К тому времени как Атлантика оказалась позади, несколько страниц было исписано стихами и призраком мелодии. Это была песня о том, как наметить курс, выйти на дорогу, но, как и все песни, о чем-то гораздо более личном, чем о том, как она, маленькая, лежала с мамой в кровати, разговаривала с ней, и мечтала, и слушала сказки под сияющими в темноте звездами.

Песня была не закончена, но она казалась началом чего-то нового. Вот только Грета не знала, чего именно. Сейчас она играет более осознанно. Берет первые ноты «Пролога» – первого сингла к будущему альбому, песни, премьеру которой она намеревается устроить на Губернаторском балу в следующие выходные. Это совершенно другая мелодия – динамичная и зажигательная, и даже исполняемая на акустической гитаре она заполняет всю каюту.

Она знает, что эта песня – дорога домой, шанс на искупление и спасение. Но она звучит как нечто прожитое, что-то написанное в совсем другой жизни, когда ее мама была жива и Грета была полна уверенности в себе.

Стучат в стену слева от нее, и она перестает играть. Выжидает несколько секунд и снова касается струн, на этот раз стараясь, чтобы гитара звучала тихо. Но стук повторяется, и на этот раз он более настойчивый. Грета со вздохом кладет гитару рядом с собой на кровать, снимает с вешалки на двери флисовую куртку матери и выходит в коридор, внезапно ощущая нехватку свежего воздуха.

Снаружи царят сумерки, серые и туманные. Грета идет по прогулочной палубе, пока не находит тихое местечко. Она облокачивается на ограждение, ее глаза слезятся от ветра. Далеко внизу теплоход взбивает белую пену, и вздымаемые им волны теряются в тумане. Завтра они проведут на борту целый день и только на следующее утро доберутся до Джуно. Кажется, ждать этого придется ужасно долго.

– А я все время думаю о «Титанике», – доносится до нее чей-то голос, и она, оглядевшись, видит все того же владельца пищащей машинки. На нем непромокаемая куртка, зеленая, с капюшоном, его темные волосы растрепал ветер.

– О пароходе или о фильме?

– А это имеет какое-то значение? – с улыбкой спрашивает он. – Конец в любом случае был не из лучших.

Они оба какое-то время молчат, вглядываясь в глубокое небо. Грета уже готова оторваться от ограждения и направиться в каюту, когда он снова смотрит на нее.

– Все это странно, верно?

– Что именно?

– Не знаю. Быть здесь. На корабле. Ночью. Посреди воды. От этого становится одиноко.

– Правда? – спрашивает она и по какой-то непонятной причине вспоминает, как в двадцать с чем-то лет тяжело болела гриппом и мама прилетела на самолете, чтобы ухаживать за ней. Три дня Хелен варила суп на раздолбанной плите в крошечной квартирке Греты, и они сидели на диване в пижамах и смотрели фильмы, батарея шипела, и за окном шел снег. Как-то днем, думая, что Грета спит, Хелен позвонила Конраду, чтобы справиться, как у него дела, и в туманном, тяжелом состоянии между сном и явью Грета слышала, как она очень тихо разговаривала с ним:

– Знаю. В таких случаях я хочу, чтобы у нее тоже кто-то был.

До этого самого момента Грета никогда не чувствовала себя одинокой.

Она только что вернулась после семимесячного турне, в котором играла на разогреве у группы, вызывавшей у нее восхищение с ее шестнадцати лет, – ее давняя мечта обернулась реальностью. За время, проведенное в путешествии, она избавилась от всех своих обыденных привычек: от регулярных звонков родителям, переписки с друзьями и даже от романчика с Джейсоном Фостером. Когда она вернулась, ее мозг продолжал лихорадочно работать, перегруженный месяцами, заполненными фанатами и безумием, и она провела несколько недель в одних и тех же худи и легинсах, обращая то к своему блокноту, то к компьютеру, то к гитаре. И она была счастлива как никогда.

Но неожиданно она взглянула на вещи глазами мамы: она вернулась в пустую квартиру, и о ней некому было позаботиться, когда она заболела. Не имело никакого значения, что на самом-то деле Грета не просила Хелен приезжать – она справилась бы сама: заказывала бы суп в ресторанчике внизу и отдыхала до тех пор, пока ей не стало бы лучше. Неважным было и то, что теперь она могла позволить себе большую квартиру, если бы захотела, но это место, где она прожила столько лет, воспринималось ею как дом. Она вела такую жизнь не в силу привычки, а потому что она ей нравилась.

Она повернулась к парню, дрожа от холода. Его взгляд был по-прежнему прикован к воде.

– Я в последнее время много читал о Германе Мелвилле... – Он замолкает и неуверенно смотрит на Грету: – Мелвилл был...

– «Барлтлби, писец», – говорит она, и его глаза загораются.

– Вау! Большинство знает только «Моби Дика».

Она кивает, глядя на воду:

– Это понятно.

– Как бы то ни было, – продолжает он, довольный, – я читал о том, как Мелвилл впервые вышел в море. Ему едва исполнилось девятнадцать, то есть с нынешней точки зрения он был очень молод, и он оказался на торговом судне, которое следовало из Нью-Йорка в... А вообще-то, знаете что? – смеется он. – Тут, как говорит мой шестилетний ребенок, я должен перестроить маршрут.

– Маршрут?

– Как на навигаторе, – сконфуженно поясняет он. – Когда ты едешь не по той дороге, и он начинает перестраивать маршрут. Я обычно выбираю длинный путь.

– Это не всегда плохо, – замечает она, и он приглаживает бороду – она у него аккуратно подстрижена и седая по краям. Он красив какой-то подлинной красотой, опрятен и серьезен, и хотя он не может быть намного старше ее, все же кажется очень взрослым – человеком, знающим, как жить. Он похож на парней с отпускных фотографий друзей по колледжу, с которыми она большей частью потеряла связь, потому что они ведут жизнь, совершенно отличную от ее жизни.

Он подходит ближе к ней и протягивает руку:

– Я Бен, кстати говоря. Бен Уайлдер. Как Лаура Ингаллс.

И Грета неожиданно для себя смеется:

– У вас должны быть сестры.

– Дочери, – улыбается он, и она непроизвольно переводит взгляд на его руку. Обручального кольца нет. – А вы?

– Грета. – Она недолго молчит, думая, стоит ли называть фамилию, затем решает, что это неважно. Он ее не знает. Одного взгляда на него достаточно, чтобы понять: он слушает большей частью Дэйва Мэтьюса и Боба Дилана. Может, в колледже – Фиша: – Джеймс, – наконец произносит она.

– Как Бонд, – говорит он с понимающим кивком.

– Как Бонд, – соглашается она.

Фонари над ними загораются. Слышны голоса из одного из многочисленных баров теплохода.

– Знаете, – говорит Бен, – моряки Британского королевского военно-морского флота каждый день в море получали ром. Он был безопаснее, чем вода, и поднимал боевой дух.

– Не сомневаюсь.

– Думаю, надо пойти за своей порцией. Приглашаю вас присоединиться ко мне.

Она колеблется, но всего лишь секунду.

– А я, пожалуй, вернусь к себе.

– О'кей, – улыбается он. – Тогда пока, Бонд.

– Хорошего вечера, Лаура Ингаллс.

Воскресенье

Глава 6

Грета просыпается в темноте. Светятся только красные цифры на будильнике – 3:08. Она привыкла к такому моменту неопределенности: проснувшись, первые несколько секунд она с трудом вспоминает, где, в каком отеле и в каком часовом поясе находится. Но отсутствие окон и шум моторов внизу дезориентируют ее больше обычного. Прошло двенадцать часов со времени посадки на теплоход, но она впервые действительно чувствует, что вокруг море.

Она берет телефон и щурится на загоревшийся экран. Пришло сообщение от Люка: «Забрал свою куртку. Оставил ключ».

Так-то вот. Ни тебе *«до свидания»*, ни подписи. Просто конец.

Впрочем, она не ставит ему это в вину. У нее ушло несколько недель на то, чтобы ответить на просьбу Люка передать его любимую кожаную куртку, которую он забыл, когда паковал вещи, и которую, как она втайне надеялась, он оставит ей. Какое-то время она ходила в ней по квартире. Куртка все еще пахла его сигаретами.

А теперь она смотрит на его имя на экране телефона, раздумывая, стоит ли удалить его из избранных контактов. Но не делает этого. А переключается обратно и позволяет своему пальцу зависнуть над строкой *«Джейсон Фостер»*.

Она ничего не слышала о нем со дня похорон. Тогда, промчавшись мимо поминающих маму гостей внизу, она обнаружила его в своей спальне, перебирающего струны ее первой гитары, которую папа купил ей столько лет тому назад. Они не виделись долгое время, почти два года, и Грета не знала, что он приехал на похороны. Она смотрела, как его темные пальцы касаются изгиба инструмента, медленно передвигаясь по красному дереву, и по ее рукам побежали мурашки. Казалось, он трогает не гитару, а ее саму.

Мама Греты умерла за двадцать четыре минуты до того, как самолет коснулся земли. Прослушав голосовое сообщение от Эшера, Грета села и прижалась головой к прохладному иллюминатору, ее сердце сжималось в груди, как кулак. Она просидела так до тех пор, пока бортпроводник не положил осторожно руку на ее плечо, и она поняла, что в самолете не осталось пассажиров, кроме нее.

В это время Люк по-прежнему был в Германии. Он попытался улететь, когда Грета сказала ему о маме, но, как только улетела она, разразился мощный ураган и многие трансатлантические рейсы были отменены. Он пропустил похороны – ее отец настоял на том, чтобы они состоялись как можно скорее, и становилось очевидным, что он вообще не сможет побыть с ней. И не имело никакого значения, что он казался подавленным, когда звонил, чтобы сообщить эту новость. Она даже не слишком расстроилась по этому поводу. Люка можно было упрекнуть много в чем, но она знала, что никогда не простит ему именно этого.

А теперь в ее комнате сидел Джейсон Фостер – первый мальчик, которого она полюбила, и мужчина, к которому она возвращалась после очередных распавшихся отношений.

У них сложились на этот счет определенные правила. Они никогда не встречались «официально» и не использовали друг друга как прикрытия. Они не брали на себя никаких обязательств и не испытывали никаких ожиданий по отношению друг к другу. Им было хорошо и весело вместе – ничего больше. И это срабатывало: Грета постоянно путешествовала и, казалось, никогда не привяжется к кому-то надолго, а Джейсон очень много работал и никогда не хотел ничего постоянного.

Но сейчас ее бойфренд застрял за океаном, а ее мать только что умерла, и вся ее жизнь обернулась кошмаром.

Джейсон был здесь, а Люк нет. Они пошли навстречу друг другу, не сказав ни единого слова, но Грета помнит: в тумане горя, измождения и шока ей подумалось, что это совершенно неизбежно. В какой-то момент она могла сказать ему о Люке, а потом этот момент остался в прошлом, руки Джейсона обнимали ее, и с этим ничего нельзя было поделать.

Потом они лежали на ее кровати и смотрели на сияющие в темноте звезды. Джейсон уронил голову на подушку и разглядывал полку с детскими книжками. Затем взял одну из них, зачитанную, в мягкой обложке, и она положила руку ему на плечо.

– Что? – повернулся он к ней с ленивой улыбкой. – Боишься, что я обнаружу твой дневник? Держу пари, он называется «*Все о Грете Фостер*».

Ее глаза стали круглыми.

– А тебе хотелось бы этого?

– Да ладно, – поддразнил ее он. Он высветлил волосы по бокам, это делало его моложе, и то, что она видела его в своей детской кровати – с самоуверенной улыбкой и ямочками на щеках, вызывающими у нее дрожь, – заставило ее почувствовать, что время эластично и все ее подростковые фантазии неожиданно обернулись реальностью. Он пощекотал ее бедро, и она опять задрожала. В его голосе звучал смех, когда он прошептал ей на ухо: – Ты захотела выйти за меня замуж в тот день, когда грузовик подкатил к дому. Признайся!

Грета покачала головой:

– Ничего подобного.

– Признайся.

– Ну хорошо, – с улыбкой сказала она, сдаваясь, – если только чуть-чуть. Но потом я выросла.

Он снова положил голову на подушку и задумчиво посмотрел на звезды.

– А ты когда-нибудь думала, а что было бы...

– Что?

– ...Если бы мы и в самом деле поженились?

Грета посмотрела на него, слишком удивленная, чтобы ответить.

– И остались бы здесь, – продолжил он.

– В Колумбусе? – возмутилась она. – Ни за что на свете.

Он улыбнулся:

– Не знаю. Иногда я вижу это: небольшой дом по соседству; дети, дотемна играющие в салки, как это делали мы; семейные застолья, барбекю и все такое.

Она знала, что он всего лишь прикалывается, что в эти выходные воздух как никогда пропитан ностальгией, но ей было неприятно слышать это. Джейсон – единственный знакомый Грете человек, который, как и она, стремился вырваться из этого места, из здешнего образа жизни. В старшей школе он с головой погрузился в учебу, что в конце концов привело его в Колумбийский университет, там он удвоил усилия и закончил курс лучшим учеником выпуска. Позже он стал первым черным финансовым директором в хедж-фонде, и, чтобы занять эту должность, ему пришлось работать вдвое больше коллег, всех этих самодовольных белых парней, чьи отцы являлись клиентами или играли в гольф с теми, кто были ими. Но для него это не просто работа, а Нью-Йорк – не просто место, где он жил. Это его мечты, которые он лелеял, сидя на крыльце маленького желтого дома, соседнего с тем, где они лежали сейчас в кровати. Он уехал и воплотил их в жизнь.

– Ты же никогда не покинешь Нью-Йорк, – сказала Грета, все еще пытаясь осмыслить его слова. – Верно?

Его карие глаза внимательно смотрели в ее глаза.

– Может, при определенных обстоятельствах и покину. А ты?

– Не знаю, – ответила она, не понимая, о чем, собственно, они говорят – о географии или о чем-то большем. В голове у нее все перепуталось. Внизу продолжались поминки, а наверху

горели пластиковые звезды. Ей хотелось поцеловать его и в то же самое время убежать прочь. Хотелось заплакать и спастись бегством. Она не могла разобраться в своих чувствах. Ей это вообще почти никогда не удавалось.

– Нам, наверное, нужно вернуться к гостям, – наконец сказала она, он выглядел разочарованным, но все же приподнялся на локтях.

– Пожалуй, ты права, – кивнул он.

Они по одному спустились вниз, после того как разгладили рубашки, поправили прически и привели в порядок все, что привели в беспорядок. Только Грета вошла в кухню, как папа взмахом руки подозвал ее к себе. Он уже разговаривал с Джейсоном, который улыбнулся ей заговорщической улыбкой.

– Смотри, кто пришел, – сказал Конрад, хлопая Джейсона по плечу. Прошло всего несколько дней со смерти мамы, а он уже выглядел по-другому – бледный и седой, но Грета видела, что он прилагает усилия, чтобы играть роль, какую обычно играла Хелен, когда к ним приходили гости. – Так мило с твоей стороны, что ты приехал на похороны, сынок. Для нее это значило бы очень много.

– Я не мог не приехать, – серьезно кивнул Джейсон. – Она из тех людей, которые дороги мне.

– Ты все еще работаешь в банке? Знаю, вы двое вращаетесь в совершенно разных кругах, но все же иногда видите в Нью-Йорке?

– Нет, – сказал Джейсон в тот самый момент, как Грета сказала: – Иногда.

– Я недостаточно клевый парень, чтобы регулярно общаться с рок-звездой, – продолжил Джейсон – сплошное обаяние и ямочки на щеках. – Как я понимаю, на твоих концертах бывает мало людей в деловых костюмах.

Грета приподняла брови:

– Ты бы знал это наверняка, если бы пришел хоть на одно мое выступление.

– На них не достать билеты, – улыбнулся он.

– Тебе повезло – ты можешь получить их по знакомству.

Их взгляды скрестились, и Грета почти забыла, что рядом стоит папа, но тут он поднял бутылку с пивом.

– О, – вздохнул он, повернувшись к ней, – не так давно звонил Люк. Ему наконец удалось сесть на самолет, так что завтра утром он будет здесь.

Грета опустила глаза в пол, но чувствовала, что Джейсон смотрит на нее.

– Прекрасно, – очень тихо сказала она, а потом ее папа пошел помогать Эшеру с едой, и они снова остались наедине. Она приготовилась к любым его словам, но он всего лишь – с чрезмерно официальным видом – взял ее за руку.

– Мне действительно очень жаль твою маму, – сказал он, крепко сжав ее пальцы, а затем развернулся и пошел в соседнюю комнату, оставив ее на кухне одну.

Они разговаривали тогда в последний раз. Весь остаток дня он избегал ее, а к тому времени, как на следующее утро объявился Люк, уставший от длинного перелета, Джейсон уже улетел в Нью-Йорк.

Грета кладет телефон, потом снова берет его. В Огайо седьмой час вечера, а это значит, что ее брат сейчас с детьми. Она начинает набирать его номер, но затем вспоминает, что связь в море ограничена, и вместо этого печатает сообщение: «SOS. Двенадцать часов прошли. Миллион остался».

Его ответ приходит через несколько секунд: «Четверо из нас пяти с ангиной. Хочешь поменяться?»

Грета пишет: «Трудно быть любимчиком». Она говорит так каждый раз, когда он жалуется на свою жизнь, на ту самую жизнь, какую папа так отчаянно хочет для нее. Но она не

слишком сочувствует брату, потому что, честно говоря, ангина лишь немного хуже той ситуации, в которой она оказалась.

Приходит еще одно сообщение: «Как папа?» – «Как обычно». – «Я рад, что ты с ним». – «Я тоже», – пишет Грета, но тут же удаляет написанное. Дело в том, что она рада, что папа не один, но подозревает, что им обоим хотелось бы, чтобы на ее месте был другой человек. «Надеюсь вы, ребята, скоро поправитесь», – пишет она.

Он заканчивает переписку пожеланием «Bon voyage!» Грета спускает ноги с кровати. Она несколько минут сидит в темноте, прислушиваясь к звукам теплохода, а затем берет гитару, надеясь, что соседи уже спят.

Она начинает играть, очень тихо, ее пальцы быстро перебирают струны. Когда она была моложе, ее учителя все время пытались добиться от нее, чтобы она следовала мелодии, она же отклонялась от курса, не осознавая при этом, что для нее весь смысл заключался как раз в экспериментировании. И даже теперь критики часто спорят о том, к какому направлению можно отнести ее музыку: к инди, року, попу или фолку. По правде говоря, в ее музыке есть всего по чуть-чуть и в то же время нет ничего похожего на это. Она играет нечто свое.

Ее веки снова становятся тяжелыми. «Колыбельная», – думает она, прижимая ладонь к все еще вибрирующим струнам, и мелодия заканчивается протяжным глухим звуком. Грета осторожно убирает гитару в футляр и заползает под одеяло.

Когда она снова просыпается, часы показывают 9:21 утра. Грета должна была встретиться с папой в одном из ресторанов двадцать минут тому назад. Она собирает волосы в небрежный пучок на макушке и торопливо одевается – натягивает легинсы, черные ботинки и джинсовую куртку поверх майки с изображением Pink Floyd, в которой спала. Прежде чем покинуть каюту, она по привычке хватается солнцезащитные очки и, выходя в коридор, надевает их.

Она едет на лифте с парой стариков, таких древних, что им приходится держаться за золотой поручень. Женщина – маленькая и сгорбленная, с коричневой кожей и глубокими морщинами, с хилым ореолом серебристых волос – смотрит на Грету тяжелым взглядом, а затем пальцем показывает на ее лицо.

– Ты очень бледная, – хмуро говорит она.

Грета кивает, потому что так оно и есть. Она пошла в мать, чьи родители были из Шотландии. У нее такие же русые волосы, как и у Хелен, такие же веснушки на переносице и такой же бледный цвет лица, который во многих журналах называют фарфоровым, ее брат шутит, что люди должны думать, что по крайней мере один из их предков был унитазом.

– Обязательно пользуйся солнцезащитными средствами, – продолжает женщина, – если небо серое, это не значит, что оно не может навредить тебе.

– Буду пользоваться, – соглашается Грета, когда лифт останавливается на пляжной палубе и старики начинают выбираться из него.

– Ты же не хочешь выглядеть как я, когда тебе будет восемьдесят девять, – бросает женщина через плечо, и Грета улыбается:

– Я буду счастлива дожить до такого возраста.

В ресторане она видит папу и остальных членов их команды. Они сидят за угловым столиком под картиной, изображающей гризли, их тарелки уже пусты. Папа, увидев ее, поднимает бокал с шампанским, а Тодд протягивает ей такой же, когда она выдвигает стул. У него на шее уже висит бинокль, значит, он готов к предстоящему дню. Грета, нахмурившись, смотрит на бокал.

– А не рано ли?

– А я-то думал, ты рок-звезда, – дразнит ее Дэвис, и Грета, делая глоток, чувствует пузырьки в горле.

– По какому поводу пьем? – интересуется она.

– Ну, – просяив, отвечает Мэри, – сегодня утром мы получили письмо от Джейсона.

– А это сам по себе повод, – шутит Дэвис.

Мэри так взволнованна, что даже не закатывает глаза при этих его словах. А радостно смеется:

– У них вчера вечером состоялась помолвка! – говорит она, и, когда становится ясно, что Грета не понимает, что происходит, Мэри делает большие глаза: – Джейсон и Оливия.

Какое-то мгновение Грета смотрит на нее. Она никогда не слышала об Оливии и чувствует, как в ее пустом желудке плещется шампанское. Ей нужно как следует сосредоточиться, чтобы оно не вышло наружу.

– Вау, – наконец выдавливает из себя она, стараясь изобразить некое подобие улыбки, – это... вау. Поздравляю вас обоих.

– Мать и отец жениха! – Мэри улыбается Дэвису, который отвечает ей тем же. – Звучит.

– Кстати, – вступает в разговор Элеанор, и ее лицо светлеет от пришедшей ей в голову мысли, – они прислали фото колец?

– Я не смогла загрузить его, – отвечает Мэри. – Но, думаю, он купил его на блошином рынке, так что, кто знает...

– Ну она сказала да, – говорит Конрад, – а это очень важно.

Мэри счастливо вздыхает:

– Это правда.

– Как долго они вместе? – спрашивает Грета, стараясь говорить как слегка заинтересованная подруга детства, а не как женщина, которая время от времени спала с их сыном последние десять лет.

– Наверное, год, – отвечает Дэвис. – Она милая девочка и понравится тебе.

– Я просто счастлива, что он наконец устроил свою жизнь, – радуется Мэри, и Грете впервые не заботит обращенный на нее взгляд Конрада, в котором ясно читается, что ей следует подумать о том, чтобы сделать то же самое. Она слишком занята осознанием происходящего: Джейсон Фостер женится.

Все годы ее подростковой тоски по нему и той химии, которую они обнаружили в своих отношениях позже, она не могла представить себя с ним в таком вот качестве. Это было нереально. Джейсон работает на сорок втором этаже огромного международного банка. Он каждый день ходит в костюме и ездит в офис на черных машинах и предпочитает находиться у себя дома, а не в разъездах, и его гламурная квартира вся блестит, и белое ковровое покрытие в ней так безупречно, что Грета боялась пить там красное вино. Ее жизнь – маленькая захлавленная квартира с увядшими растениями, постоянные разъезды и поздние вечера в барах с едва знакомыми музыкантами, ночи, когда она просыпается с мелодией в голове и пытается осветить комнату экраном мобильного, – не для него. У них ничего не получилось бы.

И все же мысль о том, что он женится на ком-то еще, подобна для нее удару в живот. Ей приходит в голову, что если они вместе уже год, значит, он наверняка был с Оливией в тот день, когда Грета обнаружила его в своей прежней спальне. Она понимает, что и ее есть в чем упрекнуть – она тоже была с другим человеком. Но у них все шло к концу, неважно, понимал это Люк или нет. Джейсон же продвигался к предложению руки и сердца. И разве он не занял более высокое, чем она, место в конкурсе на самого ужасного человека в мире?

Это особенно странный вид потери, когда что-то, чего ты вроде бы и не хочешь, забирают у тебя. И тупая боль поднимается в ней откуда-то изнутри, из такого места, о существовании которого она даже не подозревала. Она думает, что, может быть, это печаль, слабая разновидность горя. Но, если уж начистоту, то такое чувство ближе к смятению или даже к ревности, хотя она не знает толком, к чему или к кому. Она не хочет жить подобной жизнью. Только не сейчас. И не с ним. Но почему ее так сильно расстроила эта новость?

Ее папа что-то говорит ей, и она моргает, глядя на него:

– Что?

– Мы идем в спа, – повторяет он, – записались на десять часов.

– Зачем? – удивляется она.

Ее папа любит пиво, рыбалку, любит посмотреть бейсбол. Грета никогда в жизни не слышала, что он посещает спа; и вообще, он, облаченный в пушистый халат, – это так же странно, как если бы он появился к завтраку в костюме клоуна.

– На какой-то массаж, – отвечает он, глядя на Тодда, на голове у которого новехонькая шляпа с логотипом круизного теплохода. – Так ведь? Это идея ребят. Я понятия не имею, на что подписался.

– Тебе понравится, – заверяет его Элеанор, роясь в сумочке в поисках вишневой помады. – Тебе нужно расслабиться и отвлечься.

Улыбка Конрада кажется немного замороженной, но он кивает:

– Надеюсь, у меня станет меньше болеть спина.

– А ты пойдешь? – спрашивает Мэри Грету. – Мы не были уверены, что ты захочешь. Может, ты предпочитаешь отдохнуть от всех нас, старперов.

– Спасибо, нет. Сейчас я быстренько позавтракаю и присоединюсь к вам позже.

– Держи, – говорит Конрад, протягивая ей лист бумаги. Это список сегодняшних мероприятий, и он обводит синей ручкой несколько пунктов. – У нас в десять спа, днем обед в «Адмирале», в два лекция и лотерея в три...

– Лотерея? – скептически приподнимает бровь Грета.

Он игнорирует ее замечание.

– Затем в шесть мы, как предполагается, сможем посмотреть на морских львов. Надо будет выйти на прогулочную палубу, чтобы не пропустить это зрелище.

– А еще, если повезет, мы увидим морских птиц, – с энтузиазмом добавляет Тодд, – их часто видят в этих местах.

– И если повезет, мы увидим морских птиц, – спокойно соглашается Конрад. Все эти годы они были друзьями, но Тодд мало преуспел в том, чтобы обратить в свою веру других и заставить их заинтересоваться птицами. – Затем ужин в «Портсайте» и фортепианный бар на ночь.

– Вау, – изучает список Грета, – вот это план.

– Ты можешь принять участие в чем захочешь, – говорит он, вставая из-за стола. – Это на твое усмотрение.

– Держи! – Мэри вручает ей рекламный проспект с расписанием на день. – Посмотри, что тебя заинтересует, и присоединяйся к нам, о`кей?

Грета кивает:

– Конечно. Желаю хорошо провести время в спа.

Они уходят, и Грета сидит одна за столом с чашечкой кофе и смотрит на гризли. Его огромная лапа прижимает к камню серебристую рыбу, их обтекает река. У рыбы дикий взгляд и понятно, что она лихорадочно бьется о камень, хотя изображение, разумеется, неподвижно. И Грету снова начинает тошнить. Она заставляет себя отвести взгляд от медведя.

Буклет, лежащий на столе, довольно толстый. Она вяло просматривает фотографии и описания разных событий – жонглеры и фокусники, гипнотизеры и мимы, лекторы и историки, до тех пор пока не наткнется на знакомое лицо. На одиннадцатой странице помещена фотография Бенджамина Уайлдера – автора бестселлера и преподавателя истории в Колумбийском университете.

И это почему-то смешит ее. На фото он так серьезен, так похож на профессора – у него очки с толстой оправой и невероятно сосредоточенное выражение лица. Под фотографией – его биография, где говорится в основном о его нашумевшем романе «Дикая песня», в котором, видимо, излагается вымышленная версия жизни Джека Лондона, автора «Зова предков» и «Белого клыка», а также много чего еще. Грета смотрит на список мероприятий, который

дал ей папа. И видит, что назначенная на два часа лекция называется «Джек Лондон: образы Аляски».

Со старшим поколением Грета собирается лишь посмотреть на морских львов. Но когда она встает, чтобы подойти к шведскому столу, все же засовывает буклет в карман куртки. Так, на всякий случай.

Глава 7

Если отец Греты и удивляется, заметив ее у входа в зал, то вида не подает. У него розовое после спа лицо, глубокая морщина между бровями – она появилась там после смерти мамы – практически разгладилась.

– И как оно было? – спрашивает Грета, когда он подходит к ней. – Расслабился?

– В общем-то, да, – потягивается он. На нем застегнутая на молнию темно-синяя куртка для игры в гольф, а его полуседые волосы влажные после душа. Ее взгляд притягивает, как и всегда, крючкообразный шрам у него на подбородке, полученный в драке в то время, когда он работал в баре. Маленькая Грета часто проводила по нему пальцем. А теперь она замечает, как много на его лице других линий. – Спина у меня в полном порядке, – говорит он, опуская руки. – А что ты здесь делаешь?

Она протягивает ему буклет:

– Ты сам дал мне это расписание.

– Знаю. – Он смотрит на толпу перед входом в зал. Рядом с ним постер с названием лекции и фотографией книги Бена, на обложке которой заснеженный ландшафт и упряжка ездовых собак вдалеке. – Но ты не имеешь обыкновения ходить на лекции.

– Я избегаю только *твоих* лекций, – поддразнивает она его, и, к ее удивлению, он смеется. – Кроме того, мы на теплоходе весь божий день. И что прикажешь мне делать?

– Но мы же не на яхте. Здесь есть все что угодно. Почему бы тебе не попытаться счастья в казино? Или не прошвырнуться по магазинам в атриуме?

– Ты считаешь, мне нравится проводить время именно так?

– Понятия не имею, что тебе нравится. Кроме игры на гитаре.

– Ну я уже пыталась поиграть, но мои соседи остались не слишком довольны.

Он округляет глаза:

– Пожалуйся, постарайся, чтобы тебя не скинули с корабля, о'кей?

– А что они могут сделать? Посадить меня на шлюпку и отправить восвояси?

– Не знаю, но лучше не выяснять.

Через плечо она видит Блумов и Фостеров, одинаково свеженьких, и, когда дверь открывается, они вваливаются в зал вслед за довольно значительной толпой людей, которым по большей части за семьдесят.

Они занимают места, и Мэри шепчет Грете на ухо:

– А ты читала ее? – Она жестом показывает на книгу Бена, проецируемую на экран в глубине сцены. – Мы обсуждали ее на собрании книжного клуба. Она прекрасна.

– А я даже не читала «Зов предков».

Глаза Греты шарят по залу, заполненному больше чем наполовину. Именно здесь по вечерам проходят большие концерты – танцоры, комедианты и фокусники собирают обширную публику, так что явка на лекцию оказалась вполне высокой, хотя какой-то старикашка уже храпит за ее спиной. Его храп напоминает звуки, издаваемые бензопилой, но его компаньоны то ли не слышат его, то ли им до лампочки.

Тут ей приходит в голову одна мысль, и она поворачивается к Мэри:

– Когда? – спрашивает она более требовательно, чем намеревалась. – Когда вы обсуждали ее в книжном клубе?

Поначалу Мэри не понимает сути вопроса. Но потом до нее доходит, и она сочувственно похлопывает Грету по руке.

– Твоя мама тоже любила ее, – с улыбкой говорит она.

На сцене появляется Бен, и Грета подается вперед. На нем твидовый блейзер и рубашка в сине-белую клетку, он раскидывает руки в стороны и улыбается собравшимся.

– Вау! – произносит он, довольный числом собравшихся на его лекцию людей. – Как я понимаю, на нашем теплоходе собралось немало почитателей Джека Лондона, верно?

В зале хихикают.

– Кто из вас читал «Зов предков»? – спрашивает Бен, и многие поднимают руки. Он обводит глазами зал и, заметив Грету, на секунду останавливается на ней взгляд, вид у него при этом удивленный. Она поднимает руку наполовину, решив, что, скорее всего, видела фильм. Мэри искоса смотрит на нее, и Грета пожимает плечами.

– А как насчет «Белого клыка»? – Бен отрывает от нее взгляд, и Грета опускает руку в то время, как руки поднимают еще несколько человек. – О'кей, прекрасно. Но мне кажется, я должен поставить вас в тупик. Кто читал «Путешествие на «Ослепительном»?

По залу прокатывается волна смеха, все вертят головами и видят, что руку не поднял ни один человек. Бен взирает на аудиторию с притворным изумлением.

– Да ну вас, ребята! Это один из его первых романов. «Путешествие на «Ослепительном» очень важно для нас сегодня, поскольку всем следует знать, что я собираюсь блистать и ослеплять во время нашего круиза.

Сидящая по другую сторону от Греты Элеанор фыркает.

– Немного пошло, но мило, – шепчет она, наклонившись к Грете. – Как раз мой тип.

Бен представляется, но не излагает содержание своего романа, а рассказывает о злосчастном путешествии Джека Лондона по Аляске в разгар золотой лихорадки на Клондайке и о тех произведениях, что были написаны в долгие зимние месяцы на Юконе. Грета ожидала, что будет довольно скучно слушать, как он говорит о значимости этих историй в историческом контексте и о проблемных их аспектах в контексте современном, но оказалась не права. Он не Билли Джоэл в Гардене и не Спрингстин в Эсбери-парке. Но Бен – хороший рассказчик, и ему удастся завладеть вниманием слушателей. А это далеко не просто, учитывая, что многие из них в это время обычно погружаются в послеобеденный сон.

Когда приходит время задавать вопросы, он обращается к женщине в первом ряду, которая так отчаянно машет рукой, словно пытается позвать такси.

– Как долго вы писали свою книгу? – спрашивает она, а затем, довольная, садится на свое место.

– О, – спокойно отвечает Бен, поправляя очки и улыбаясь ей, – ну, можно сказать, что большую часть моей жизни, поскольку я думал о Джеке Лондоне с самого детства. Но писал я, наверное, года два. Прodelал основательную исследовательскую работу, просто потому, что интересовался этой темой всю жизнь.

– Но это же вымышленная история, – говорит мужчина, сидящий через несколько рядов от женщины. – Так что вам, вероятно, трудно пришлось. Нужно было сделать вашу историю захватывающей.

Грету удивляет, что многие вопросы о его творчестве совпадают с теми, что снова и снова задают ей во время интервью, и она понимает, что его ответы, как и ее, заготовлены заранее. Но его слушают с подлинным интересом, ждут, что он скажет, и ей приходит в голову, что присутствующие здесь действительно прочитали его книгу. И это оказывается для нее сюрпризом. Когда встреча заканчивается, папа быстро пробирается к выходу с Фостерами и Блумами.

– Не хочу опоздать на лотерею, – объясняет Мэри. – А ты идешь?

Грета смотрит на отца, пытаюсь понять, хочет он этого от нее или нет, но, к ее облегчению, он уже уходит с Дэвисом и Тоддом.

– Не волнуйся, – успокаивает ее Мэри, – мы за ним приглядим.

Она готова последовать за ними к выходу, гадая, как ей провести остаток дня, но тут замечает, что Бен по-прежнему стоит рядом со сценой и беседует с небольшой группой людей, задающих ему еще какие-то вопросы. Он снял пиджак и закатал рукава рубашки и выглядит совершенно довольным тем, что может поговорить на излюбленную тему. Грете приходит в

голову, что он единственный, кроме нее, человек на теплоходе, который не собирается участвовать в лотерее и не направляется прямо сейчас в детский бассейн, и потому она остается в зале и пристраивает ноги на спинку сиденья впереди себя.

Когда зал покидает последний слушатель, Бен собирает свои бумаги и вешает на плечо большую сумку. Он находится на полпути к выходу и тут замечает Грету, все еще сидящую в последних рядах, и его лицо светлеет.

– Привет, – здоровается он и садится через одно сиденье от нее.

Она улыбается:

– Ваше выступление удалось.

– Это было не первое мое родео, – говорит он, выходя польщенным. – Вы остались здесь, чтобы задать какие-нибудь каверзные вопросы? Не уверен, что могу причислить вас к фанатам Джека Лондона.

– Не надо меня причислять, – отвечает она так быстро, что он смеется.

– Пока еще.

– Я, наверное, была единственным человеком в зале, который не читал вашу книгу.

Он с улыбкой отмахивается:

– Она очень переоценена.

– Уверена, это не так.

– Ну тогда вы, определенно, еще и единственный человек, не читавший отклик на нее в «Таймс», – говорит он, и его карие глаза весело блестя. – Ее называют раздутой и самовлюбленной.

Грета смеется:

– Поверьте, я слышала отклики и похуже.

– Как и Джек Лондон.

– Вы, должно быть, действительно любите этого парня, иначе не провели бы с ним столько времени.

Он кивает:

– Всегда думал, что напишу еще одну его биографию, но эта тема, в общем-то, исчерпана, и я понял, что факты интересуют меня меньше, чем выдумки. Вот я и решил написать роман. – Он оглядывает зал: – Хотя такого я не ожидал.

– А как такое можно ожидать? – с чувством произносит Грета. – Может, вы и надеялись на успех, но шансы на него всегда очень малы. Это все равно что выиграть в лотерею.

– Точно, – соглашается он, явно чувствуя облегчение оттого, что его понимают. – Я посвятил этой книге два года, в основном потому, что хотел развлечь себя. Закончив, я показал ее другу с кафедры английской литературы, и он передал ее своему агенту, и с тех пор все пошло как по маслу. Вся эта суета – нечто странное для меня. Интервью, книжные турне, фестивали...

– Круизные теплоходы.

– Нет. На них я как раз рассчитывал. А иначе зачем было писать? – Он улыбается и качает головой. – Мне не следует так шутить. На самом деле я взволнован и смущен тем, что оказался здесь. Я никогда прежде не был на Аляске.

– Правда? Даже в экспедициях?

– Нет. Я каждое утро вставал в четыре утра, чтобы писать, и работал до тех пор, пока не просыпались мои дети. На экспедиции у меня не было времени. И денег. Но теперь я наконец на пути туда. – Он замолкает и искоса смотрит на нее: – А вы?

– Что я? – спрашивает она, уставившись в потолок.

– Чем занимаетесь вы, если не путешествуете?

– Я музыкант.

– Не может быть, – приподнимает он брови. – И на чем вы играете?

– Большею частью на гитаре.

– Ах да! Я вспомнил. – Он изображает, будто несет на плече футляр, и она осознает, что всего лишь вчера видела его с пишущей машинкой. – И вы делаете это по-настоящему?

Она понимает, о чем он спрашивает: это ее работа или хобби? Такой вопрос интересует многих. Это имело для нее значение, когда она была моложе и ее беспокоил собственный официальный статус. Но теперь от таких вопросов она испытывает особое удовлетворение – после долгих лет работы, и надежды, и борьбы, после выступлений перед одиннадцатью посетителями бара в подвале и игры на разогреве у групп, гораздо менее талантливых и имеющих при этом куда больше фанатов, чем она. Она, конечно, имела иногда успех на этом пути и чувствовала, что набирает скорость, но подлинный прорыв она осуществила всего несколько лет тому назад, когда ей было уже за тридцать и за плечами осталось более десяти лет упорных усилий. А это уже совсем другой расклад. И потому ее заставляют ощущать себя состоявшейся не альбомы, не толпы поклонников и не деньги, а возможность сказать – ясно и прямо, без сносок и оговорок, – что она действительно делает это. Она музыкант. Вот так.

Прошли годы, прежде чем она научилась снисходительно отвечать на задаваемые вопросы: «*Я бы с радостью играла на гитаре все дни напролет*», «*Чувак, разве не приятно заниматься чем-то веселым вместо скучной работы?*» и «*Вау, вы действительно можете обеспечить себя, занимаясь этим?*». Фанаты, разумеется, это нечто иное, и их с каждым днем становится все больше. Но она никогда до конца не понимала, почему наиболее частой первой реакцией на ее заявление оказывается скептицизм. Может, люди ей просто завидуют. Или это некое более глубинное чувство: своего рода обида на то, что кто-то имеет наглость жить в соответствии со своей мечтой, в то время как собственные мечты эти люди оставили далеко в прошлом.

Но когда она отвечает Бену, вид у того становится несколько благоговейным.

– Да, – говорит он, – это... самая клевая вещь, которую я когда-либо слышал.

Грета улыбается его словам. А через несколько секунд понимает вдруг, что они так и продолжают сидеть в зале, будто ждут кого-то.

Наконец он прочищает горло:

– Итак, вы не ушли, потому что у вас есть вопросы?

– Да, – говорит Грета, вставая. – А не хотите ли вы теперь выпить?

Глава 8

Когда они выходят из зала, Бен останавливается, чтобы сфотографировать великолепную винтовую лестницу, по которой можно попасть на более низкий уровень. Минуту позже он снова притормаживает и делает снимок скульптурного изображения калана.

Грета искоса смотрит на него:

– Вам поручено сфотографировать всю нашу лодку?

Он смеется:

– Это для моих детей. Я предпочел бы посылать им открытки, но они слишком нетерпеливы для этого. – Теперь он запечатлевает вид из окна – полосу синей воды и ели за ней. После чего убирает телефон в карман. – И к тому же это корабль.

– Это одно и то же.

– Не скажите. У кораблей минимум две палубы выше ватерлинии. А у этого одиннадцать. И весит он более пятисот тонн. И тяга осуществляется исключительно...

Она скептически смотрит на него.

– Простите, я, конечно же, нерд, – произносит он в то же самое время, как она говорит:

– Вы такой нерд.

Они пересекают пляжную палубу, там сильно пахнет хлоркой, и через запотевшие окна ничего не видно. Сейчас здесь проходит занятие аэробикой, десятки купальных шапочек подпрыгивают над бирюзовой водой. Когда они входят в атриум – оживленную зону со множеством магазинов и ресторанов, им кажется, что они не в море, а скорее в каком-то загородном торговом центре.

Прити, вчерашняя девочка, выходит из художественной галереи. При виде Греты ее лицо светлеет, она вытаскивает из ушей наушники и спешит к ней.

– Привет, – говорит она, бросая беглый взгляд на Бена, а потом снова поворачивается к Грете: – Я написала моей подруге Каролине, что встретила вас, но она мне не верит. Можно я сделаю с вами селфи и отошлю ей как доказательство?

– Конечно, – соглашается Грета, глядя на Бена, которого, естественно, озадачивает происходящее.

Он кивает на телефон в руке Прити:

– Хотите я подержу его?

– Э, спасибо, нет, – шурит она глаза. – Мы же будем делать селфи, и потому...

– ...Он нам нужен, – продолжает Грета, стараясь не рассмеяться, глядя на его лицо.

Прити нажимает на несколько кнопок и вытягивает руку с телефоном. Грета наклоняется к ней, так что их головы почти соприкасаются. Улыбнувшись заученной улыбкой, она дожидается вспышки, а потом выпрямляется.

– Вот и доказательство. – Она изучает фото. На свету ее глаза кажутся зеленее обычного, а темные волосы распущены и лежат волнами. Она не накрашена, и лицо у нее бледное. Прити улыбается и удовлетворенно вздыхает.

– Я все время пыталась заставить ее послушать вас, – говорит Прити, отсылая фотографию, – но она предпочитает Тэйлор Свифт – это нормально, каждому свое, но после того как то ваше видео завирусилось, она наконец... – Она резко замолкает и, оторвав глаза от телефона, смотрит на Грету с немного паническим выражением лица: – Простите, я не хотела...

– Все хорошо, – беззаботно отвечает Грета, хотя ее лицу становится жарко. Она не должна думать, что все всё забыли. Даже если она сейчас посреди пустынного моря, это не означает, будто что-то изменилось, что о ней не судачат. Но впервые кто-то незнакомый – не принадлежащий к ее команде – говорит об этом *с ней*. Вот тебе пожалуйста. Прямо при всех.

Глаза Прити по-прежнему широко распахнуты.

– Я не...

– Знаю. – Грета старается не смотреть ни на кого из них: на пребывающую в ужасе Прити и на совершенно растерянного Бена. – Говорю же, все хорошо. Не волнуйся.

– О'кей, – выдавливает из себя Прити мгновение спустя. Кажется, ей хочется сказать что-то еще, но она лишь теревит в руках телефон. – Ну спасибо за селфи.

– Не за что, – слишком уж радостно отвечает Грета. – Увидимся, о'кей?

Когда Прити уходит, Грета идет по палубе, и Бен трусцой догоняет ее.

– И что это было?

– Ничего, – качает головой она. – В какой бар вы хотите пойти?

Он продолжает смотреть на нее:

– Да вы, похоже, знаменитость.

– Не надо слишком уж сильно впечатляться. Уверена, она одна такая на всем теплоходе.

– Ага, но у вас есть *фанаты*.

— У вас тоже, – парирует Грета, направляясь к первому попавшемуся на глаза бару, который – неожиданно – оказывается оформленным в стиле тропического острова. Из него доносится песня Джимми Баффетта, а вход украшают искусственные пальмы. Грета собирается войти в него, но, поняв, что Бен не следует за ней, останавливается: – В чем дело?

– Да кто вы такая на самом деле?

– Я же говорила, музыкант.

– Поп-звезда или кто-то в этом роде?

Она хмурится:

– Я кажусь вам поп-звездой?

– Нет.

– Повторю, я играю на гитаре, – пожимает она плечами, но после встречи с Прити ее слегка пошатывает.

Она думает о Губернаторском бале, который состоится в следующие выходные, и ее рука сжимает лежащий в кармане телефон. Ей внезапно хочется позвонить своему менеджеру Хоуи и сказать, чтобы он забил на это дело. Она еще не готова. И значит, возвращаться пока рискованно.

Но она даже не сообщила ему, что отправляется в путешествие. Она не сказала об этом никому: ни пиарщику, ни лейблу, ни агенту, ни даже своей лучшей подруге Яре, клавишнице, которая сейчас в турне с Брюсом Спрингстином и которая поняла бы лучше, чем кто-либо, почему она избегает их всех.

Вот уже несколько дней ее бомбардируют электронными письмами и эсэмэсками о фестивале и презентации нового сингла. В них содержатся просьбы о выступлении на местном радио и встречах с музыкальными журналистами. Предложения, как подать то, что случилось в марте, и «восстановить ее имидж». Предлагаются темы для разговоров и сроки.

Грета ни к чему этому не готова.

Это так не похоже на нее. Обычно она не ведет себя подобно стереотипной рок-звезде, каковой, по мнению ее папы, она является, то есть не поглощена своим образом жизни в ущерб предоставленному другим деловому аспекту. Она много что делает сама: пишет треки и занимается лицензиями, рано приходит на саунд-чеки и проводит долгие часы в студии. Но на сцене она должна выглядеть не прилагающей ни к чему этому каких-либо усилий. И это касается не только игры – мощных гитарных риффов и волнующих крещендо, но и того, какой она предстает перед публикой: сильной, провоцирующей, пленительной. На самом деле так оно и есть, но эти ее качества подпитываются неизменными трудолюбием и упорным стремлением стать лучше, продолжать писать музыку, сделать так, чтобы ее слушали, приходили на концерты и покупали альбомы.

А теперь все это, конечно же, пошло псу под хвост – и имидж, и трудолюбие.

Теперь все, что ей нужно, так это выпить и сделать вид, что ничего плохого в ее жизни не было.

Войдя в бар, они отыскивают свободные места. Повсюду яркие цветы, а на барменах гавайские рубашки. К стене прислонена синяя доска для серфинга.

– Совсем как на Аляске, – говорит Бен, после того как они заказывают напитки: маргариту для него и клубничный дайкири для нее. А что еще можно заказать в подобном месте?

– Ага, – поддакивает Грета, оглядываясь вокруг, – после такого хочется оказаться в ледяной тундре.

Бен удивляется:

– Это трудно назвать тундрой. Мы едем любоваться самыми интересными пейзажами Аляски. Они одни из самых красивых в мире, правда.

Приносят коктейли, и она вынимает из своего бокала маленький бумажный зонтик.

– Вы хорошо сделали домашнюю работу.

– А вы нет?

– Я решила ехать в самую последнюю минуту.

– Как так?

Грета с секунду сомневается, размышляя, стоит ли ей быть откровенной с ним, а потом говорит:

– Должна была поехать моя мама – с папой и их друзьями, а не я. – Она делает глоток дайкири, который оказывается слишком сладким. Подняв глаза, она видит, что улыбка Бена погасла. – Все о'кей, – быстро произносит она, хотя на самом деле это не так. Далеко не так. – Это случилось несколько месяцев тому назад.

– Не так уж и давно.

– Да, – соглашается она, – это верно.

Он постукивает пальцем по бокалу. Грета видит светлую полоску там, где когда-то было обручальное кольцо.

– Хорошо, что вы можете побыть с папой, – говорит он, и она кивает:

– Они собирались в это путешествие целую вечность, и он все же захотел поехать. Вот мой брат и попросил меня составить ему компанию.

– Почему именно вас?

Она пожимает плечами:

– Потому что у него трое детей и работа от звонка до звонка.

– А вы...

– У меня не слишком много каждодневных обязанностей и зиллион бесплатных миль. – Она делает большой глоток. – Все хорошо. Я даже не стала бы особенно возражать, если бы только мне не пришлось провести целую неделю с папой.

– Вы с ним не ладите?

– Не очень.

– Почему?

– Потому что у меня нет троих детей и работы от звонка до звонка.

Он смотрит на нее:

– Вы это серьезно?

– Это лишь часть наших разногласий.

– А другая часть?

– Можно просто сказать, что я не являюсь его любимицей.

Бен открывает рот, чтобы сказать что-то, но потом закрывает его.

– Что?

– Ничего, – отвечает он, – я просто... У меня к вам так много вопросов. Не могу сооразить, какой задать первым. Мне не хочется грузить вас.

Грета улыбается:

– Это не так просто сделать.

– О'кей. Значит, ваш папа...

– Подождите! – Она поднимает свой, уже пустой, бокал. – Сначала я хочу еще выпить.

Мне может понадобится несколько порций.

– Это правильно.

Она поворачивается к нему, чтобы лучше видеть его лицо. Их колени почти соприкасаются.

– У вас есть сегодня еще одна лекция? – спрашивает она, и он отрицательно качает головой. – Значит, вам не нужно быть где-то еще?

– Не нужно. А что?

– Тогда, думаю, нам следует напиться.

Бен смеется:

– Я так не считаю.

– Почему нет?

– Я здесь работаю. – Он оглядывается, желая выяснить, не может ли кто подслушать их. –

Представляю Колумбию.

– И вы боитесь, что кто-то может подойти к вам и задать вопрос о «Зове предков», а вы не сможете ответить?

Выражение его лица меняется, он наклоняется к ней, его глаза блестят.

– Слушайте. Я могу выпить ящик пива, но все равно буду в состоянии поведать вам о каждой детали жизни Джека Лондона.

– Докажите это, – говорит она.

Глава 9

Где-то после третьего или четвертого коктейля Грета идет в туалет, а когда она возвращается, Бен смотрит на нее с каким-то странным выражением лица.

– В чем дело? – спрашивает она, и он показывает на свой телефон:

– Я гуглил вас.

– О-ох, – весело говорит она, хотя все мышцы ее тела напрягаются, – это звучит зловеще.

Она ищет на его лице следы жалости – признак того, что он видел то видео, но на нем одно лишь удивление.

– Вы, оказывается, крутая особа. – Он протягивает ей телефон, словно она нуждается в доказательствах. На экране ее фотография в «Роллинг Стоун», сделанная после выхода первого альбома. На ней блестящее черное платье, русые волосы уложены в высокую прическу, и то ли из-за освещения, то ли из-за макияжа она выглядит так, будто вся состоит из углов. Глаза огромные, зеленее, чем в жизни, и в них читается вызов.

Очевидно, он не слишком продвинулся в своих изысканиях. Это ее фото наиболее часто встречается в интернете, выскакивает сразу, когда кто-то ищет ее там. Но, глядя на снимок теперь, Грета видит, как нервничала она тогда, как сильно потела от жара софитов, замечает легкое раздражение, прячущееся в уголках рта, – результат многочисленных просьб фотографа посмотреть на него, не глядя на него, что бы это ни значило.

– Вы тоже человек непростой, – говорит она, снова усаживаясь на стул рядом с ним.

Бен качает головой:

– Это разные вещи.

– Вот уж нет. Вы автор бестселлера. И вы занимаетесь любимым делом.

– Это не мое любимое дело, – пожимает плечами он. – Во всяком случае, не так, как у вас.

Она приподнимает брови:

– Откуда вы знаете? Мы только что познакомились.

– Я видел, как вы играете, – признается он, кивая на телефон, который лежит на столе между ними. И даже борода не скрывает того, что он покраснел.

– Правда?

– Ага, всего несколько секунд. Но это действительно хорошо.

Она отмахивается от него, как делает это обычно, словно все это не стоит выеденного яйца и не имеет большого значения. Но потом, передумав, кивает:

– Спасибо.

Бармен возвращается, и они заказывают еще по коктейлю и какие-то закуски. Уже почти пять часов, и бар полон народу. И пугающе легко забыть о том, что они сейчас на теплоходе у побережья Аляски, и это обстоятельство кажется ей все более и более странным каждый раз, когда она вспоминает о нем.

– А как вы начинали? – интересуется Бен, облачиваясь на стойку бара. – Вы всегда хотели заниматься этим? А на других инструментах вы играете?

– Бен, – говорит она.

– Да?

– Вы не обязаны брать у меня интервью.

– А если я хочу? – Он слегка улыбается, глядя ей в глаза.

Она делает еще один большой глоток.

– Вам не нравится это? Правда?

– Что?

– Писать.

Он качает головой.

– Я не из тех людей, которые придумывают истории с раннего детства. А вроде как въехал в это дело задним ходом.

– Будучи профессором?

– Будучи большим нердом.

Она смеется:

– А это не одно и то же?

– Очень смешно, – шурит он глаза.

– Но вы продолжите писать?

Он пожимает плечами:

– Я заключил контракт еще на одну книгу, но никак не могу начать.

– А о чем она должна быть?

– О Германе Мелвилле.

– Понятно, – говорит она, – о китах.

– В том числе и о них.

– И в чем проблема? Просто он не Джек Лондон?

Она ждет, что он снова рассмеется, но он, напротив, становится мрачным.

– Не знаю. Может быть. Я получил первый в своей жизни экземпляр «Зова предков» на распродаже, когда мне было десять. Родители покупали кресло-качалку, а когда продавец обнаружил меня в углу, читающего эту книгу, то разрешил оставить ее. Я прочитал ее, должно быть, раз сто. И так полюбил, что написал о Джеке Лондоне вступительное эссе в колледж, о том, как мне хотелось бы обладать его жадной приключений, о том, что никогда не оказывался дальше чем в пятидесяти милях от нашей фермы, о том, что готов идти по жизни собственным путем. И это оказалось билетом в мою последующую жизнь. – Он приглаживает бороду, его взгляд прикован к окну, за которым над водой поднимается легкий туман. – Когда речь заходит о том, что книги способны формировать личность, мне становится смешно, потому что это само собой разумеется. Но в моем случае это вовсе не метафора. Моя жизнь в буквальном смысле была бы совершенно иной, если бы я не нашел пути к этой книге. Или же если бы эта книга не нашла пути ко мне.

Грета улыбается:

– Первая любовь не забывается.

– Ну это длилось куда дольше, чем моя действительная первая любовь, – печально говорит он, но потом принужденно улыбается. – Простите, для меня это до сих пор внове. Наше расставание. Хотя, думаю, одно каким-то образом связано с другим. Я начал работать над «Дикой песней» сразу после свадьбы и закончил ее около шести месяцев тому назад, как раз когда все рухнуло. – Он смотрит в свой бокал. – Но, как бы то ни было, та история подошла к концу, и пришло время начать еще одну. Просто мне трудно перевернуть страницу.

Грета не очень хорошо понимает, о чем они говорят: то ли о его книге, то ли о браке.

– Бывает трудно идти вперед, – соглашается она. – Вы вложили в это столько себя, а затем приходится все начинать сначала, как-то так. Не зря говорят, что вторые прокляты.

Он смотрит на нее пустым взглядом.

– Вы же, наверное, знаете о кризисе второго альбома: о том, что многие музыканты блестяще дебютируют, а следующая их попытка с треском проваливается.

– И с вами так было?

Она вертит в руке бокал:

– Посмотрим. Он выходит в июле.

– Я уверен, что он великолепен.

Грета кивает, борясь с желанием рассказать ему все. В последние три месяца она совершала немислимые акробатические кульбиты, пытаясь избежать этой темы. Но в разговоре с

совершенно посторонним человеком, которого она никогда больше не увидит после того, как эта неделя закончится, есть нечто такое, что ей почти хочется открыться ему. Почти.

– Иногда, – говорит он, трогая подставку под бокал, – я сомневаюсь, что способен написать еще одну книгу.

Она хмурится:

– Вы готовы отступить? Вот так просто?

– Я люблю учить. И находиться на людях. Быть писателем – значит быть одиноким. Это не то что играть.

– Музыка тоже может сделать одиноким, – признается она. – Я на пути к этому.

– Да, но у вас есть группа.

– Не постоянная. Музыканты приходят и уходят. И в каждом турне я играю с другим составом.

– Но у вас есть фанаты.

– Как и у вас. От одиночества это не спасает.

Они долго смотрят друг на друга. Пол под ней качается, и Грета не понимает, что тому причиной – алкоголь или теплоход. Звучит новая песня, и она поднимает глаза к потолку, ища глазами колонки. Когда она снова переводит взгляд на Бена, он все еще смотрит на нее.

– Можно задать вам один вопрос? – спрашивает он, но не дожидается ее ответа. – Вам нужны все эти вещи? То, чего хочет от вас папа?

Грета меняет позу. Прошло немало времени с того, как кто-то спрашивал ее об этом, с того, как она впустила кого-то в эту часть своей жизни.

– Не знаю, – наконец отвечает она, – иногда мне кажется, что, может, и нужны. Время проходит. Но мне нравится моя жизнь. Нравится свобода. И нравится быть эгоисткой. Понимаю, как это звучит, но мне нравится, что я все выходные могу проработать над новой песней, если хочу этого. Нравится быть в дороге двести дней в году. И возможность побросать в сумку какие-то вещи и выйти за дверь, и никто не станет изводить меня вопросами о том, куда я еду и когда вернусь. Иногда приятно не иметь слишком много привязанностей. – Она пристально смотрит на него: – Я понимаю, как выгляжу в ваших глазах. И знаю, что большинство так не думает и не чувствует. Большинство хочет стабильности. Чтобы у них кто-то был. Партнер.

– А вы этого не хотите?

– Не знаю, – повторяет она, – не то чтобы у меня не было отношений. И иногда они оказывались просто прекрасными. Но я не против того, чтобы быть одной. Иногда мне это очень даже нравится.

Бен кивает:

– В этом нет ничего плохого.

Она гоняет по бокалу маленький бумажный зонтик.

– Не знаю, изменю ли я свое мнение на этот счет позже, когда будет слишком поздно начинать другую жизнь. Но сейчас я этого не хочу. – Она тяжело смотрит на него, словно он собирается отстаивать иную точку зрения. – Но я ненавижу гадать, будет ли будущая Грета злиться на нынешнюю Грету за то, что та вовремя не разобралась со своей жизнью, понимаете меня?

Он смеется:

– А я все еще злюсь на прошлого Бена за некоторые его поступки, чтобы слишком уж волноваться за будущего Бена.

– Вам не хватает всего этого?

– Чего?

– Семьи, партнера, дома.

– Мне не хватает моих девочек.

– Расскажите мне о них.

Выражение его лица становится таким искренним, таким нежным и серьезным, что Грете кажется, она понимает, какой он отец, прежде чем он успевает произнести хоть слово.

– Эйвери шесть лет, а Ханне четыре, – говорит он и тянется к телефону, видимо, желая показать фотографии. Но потом, передумав, убирает руку. – Эйвери без ума от единорогов, и книг, и ниндзя, а Ханна от всего, от чего без ума Эйвери.

– Похоже, у них хороший вкус.

– Так оно и есть, – улыбается он. – Они совершенно потрясающие. Но не поймите меня неправильно – они могут и достать. Но они обе такие забавные, смешные, удивительные человечки. – Он пожимает плечами: – Все это очень прикольно.

– А их мама?

Грета старается сохранять бесстрастное выражение лица, спрашивая об этом. Хотя не понимает почему. Не может такого быть, что она заинтересовалась Беном, ведь все в нем прямо противоположно тому, что она ищет в парнях. Он стереотипная версия человека, с которым она рано или поздно сошлась бы, если ее жизнь шла бы по обычной колее: с ним хорошо строить совместное будущее, где есть место обручальным кольцам и ипотечным декларациям, летним отпускам и тестам на беременность, спискам подарков младенцу и детским садам – всем тем вещам, что заставляют Грету потеть и страдать от клаустрофобии.

Но есть в нем и что-то неоспоримо очаровательное, и Грета осознает, что тратит много энергии, гадая, почему все еще разговаривает с ним, хотя обычно в таких ситуациях находит предлог, чтобы уйти.

– Она... – начинает Бен, глядя куда-то в сторону. Все в нем напряжено – от плеч до челюсти. – Мы не... Я не знаю. Мы официально расстались около полугода тому назад. Она осталась с девочками в Нью-Джерси, а я переехал обратно в город. Но все у нас разладилось задолго до этого. – Он поглаживает бороду и сильно выдыхает. – Мы встретились, когда учились в старших классах.

– А, – произносит Грета так, будто это все объясняет.

– А потом, учась в колледже, разбежались на пару лет, так что она не единственная... – Он замолкает и качает головой, а затем говорит: – Когда ты знаешь кого-то так долго, вы словно прикипаете друг к другу. И у тебя остается мало возможностей для того, чтобы меняться. А потом появляются дети, и это в некотором смысле лучшее из того, что может произойти, но в то же самое время и самое трудное, потому что все твои проблемы выходят наружу – вещи, которые было гораздо проще игнорировать до того, как у вас образовалась пара маленьких человечков, зависящих от вас, и мысли о том, что можно разрушить семью только потому, что ты не так счастлив, как, по твоему мнению, *мог бы быть*, разбивают твое сердце, вот ты и держишься за то, что имеешь. Но потом оказывается, что есть другие способы пустить твою жизнь под откос, более медленные... – Он смотрит на Грету: – Боже, простите! Я не собираюсь относиться к вам как к психотерапевту.

– А вы и не делаете этого. Все хорошо.

– Как бы то ни было, теперь мы врозь. И все стало лучше, но и труднее.

– Ваше расставание – пролог к разводу? – спрашивает она. – Или своего рода перерыв в отношениях?

– Честно? Понятия не имею.

Грета кивает:

– А вам как хотелось бы?

– Честно? – снова говорит Бен, устало улыбаясь ей. – Понятия не имею.

По громкоговорителю объявляют, что теплоход приближается к колонии морских львов, и они быстро допивают коктейли и идут по нему, слегка пошатываясь. Когда они проходят мимо открытой двери в джаз-клуб, Бен внезапно останавливается.

– Смотрите. – Он входит в него и обозревает пустые стулья и сцену. Разноцветные электрические гитары висят поверх остального оборудования, и Грета с вождением смотрит на них – это все равно что увидеть старого друга в море незнакомых лиц. – Вы должны что-нибудь сыграть.

Она мотает головой:

– Я не могу вот так просто взять одну из них.

– Да ладно вам, – настаивает он, – вы же рок-н-ролльщица.

– Похоже, я не слишком настроена на рок-н-ролл в эти дни, – печально улыбается она.

Они выходят на палубу на правом борту, где оба начинают моргать и шуриться на ярком свете. Утром все было бледным, затянутым туманом, и, насколько хватало глаз, простиралась серебристая вода. Но теперь они видят другой пейзаж: неподвижную синюю воду частично окаймляют массивные серые горы, а вода испещрена маленькими плавающими льдинами. Царит пугающая тишина, звук ветра напоминает радиопомехи.

И Грета чувствует, что совершенно трезва. Она оглядывается, ища папу и остальных членов их группы. Но не видит никого из них в толпе около ограждения.

– Вау, – тихо, почти благоговейно произносит Бен, и она следит за его взглядом.

Впереди виднеется скопление сгорбленных скал, и, когда теплоход подходит достаточно близко к ним, раздается приглушенный шум голосов собравшихся на палубе пассажиров. Поначалу морские львы кажутся лишь неясными коричневыми пятнами, их здесь несколько десятков, а то и больше. Но скоро каждого из них, их заостренные носы и мощные лапы, можно увидеть отчетливо. Большинство спит или, по крайней мере, сидит, расслабившись, их тела кажутся на фоне скал запятыми и закорючками. Другие зевают или режут, а некоторые с плеском ныряют в воду.

Грета смотрит на Бена, на его лице написано восхищение. Ей кажется, он смотрел бы на этих животных точно так же, даже будучи трезвым, но для нее происходящее имеет несколько сюрреалистический оттенок.

– В прошлом году я выступал в Сан-Франциско, – говорит он, – и мы решили взять с собой детей. Я все спланировал: мост «Золотые ворота», Ломбард-стрит, Алькатрас, работа. Но мои планы пошли прахом, когда мы оказались на Пирсе 39. Они увидели морских львов и отказались уходить оттуда. Они были поражены. Мы пробыли там несколько часов, просто глядя на то, как львы спят на солнце. Это был хороший день.

Грета улыбается, вспоминая собственные детские каникулы, которые проводила большей частью в походах по Мичигану. Эшер жаловался на мошек и букашек, а Грета на то, что у нее тяжелый рюкзак; Хелен, в детстве много путешествовавшая по Европе, морщила нос при виде котелка с бобами на портативной плите; а Конрад ворчал, пытаясь в одиночку поставить палатку. Но позже все они сидели у костра, и их руки были липкими от печенья и зефира, их лица светились в темноте. И все это было пронизано теплотой, которую Грета приносила с собой в старую залатанную палатку, где все четверо спали в ряд – они с Эшером посередине, а родители по краям. Иногда Конрад, протянув руку поверх их голов, дотрагивался до руки Хелен, и Грета засыпала под короной их рук, а ветер грохотал, ударяясь о стены палатки.

Морские львы начинают исчезать из виду, их рев слышен уже не так хорошо. Толпа устремляется обратно в помещения. Но Грета и Бен остаются у ограждения и смотрят на горы, не в силах оторвать от них взгляд.

– Нужно уходить, – наконец произносит он, и она осознает, что вся дрожит. – Хотите выпить еще один коктейль, чтобы согреться?

Не успевает она ответить, как замечает идущего к ним папу, на нем шерстяная шапка, натянутая на лоб. Грета тут же невольно выпрямляется, словно подросток, в ожидании, что ее застукают за тем, что она пьет в разгар дня.

– Привет, – говорит она преувеличенно радостно, и Конрад бросает на нее подозрительный взгляд. Он смотрит мимо нее на Бена, и Грета качает головой: – Прошу прощения, это Бен Уайлдер.

– Да, я знаю, – кивает Конрад, – я был на его лекции. С тобой.

– Верно. Я захотела узнать что-то еще и потому...

– Вы шлифуете свои знания о Джеке Лондоне. – Его глаза останавливаются на Бене, в них читается легкое недоумение. – Думаю, это не худший способ провести время.

– Мои студенты так не считают, – жизнерадостно отвечает Бен.

Конрад снова поворачивается к Грете:

– Ты видела морских львов?

– Ага. Они замечательные.

– А чем еще занималась?

Она пожимает плечами:

– Мы обследовали один из баров.

– Вижу. – В его голосе слышится насмешливое изумление, и это так неожиданно, что Грета смеется.

– Ром хорош для поднятия боевого духа, когда ты в лодке, – просвещает она его, и стоящий рядом с ней Бен по-профессорски кивает. – Так мне сказали.

– С этим не поспоришь. Хотя это не лодка – это корабль.

– Видите, – Бен с улыбкой поворачивается к Грете, – я же говорил.

На какое-то время эти слова повисают в воздухе, безобидные и обыденные. А потом Грета с Беном замечают, что лицо Конрада затуманивается. *Черт*, думает Грета, глядя на него. Это продолжается всего секунду – он смотрит на палубу, и его плечи напрягаются. Если не знаешь, что к чему, то можно подумать, будто у него просто плохое настроение. Когда он снова поднимает глаза, в них уже нет теплоты и он кажется человеком непредсказуемым.

Но Грета знает, в чем тут дело.

Ее голова по-прежнему тормозит, но сердце набирает обороты.

– Так чем ты будешь заниматься остаток дня? – спрашивает она отца, безуспешно стараясь говорить самым обычным тоном и обойти молчанием то, что произошло, подобно ученице средних классов, чьи друзья сердятся на нее и которая отчаянно пытается исправить положение.

Его голос звучит холодно:

– Я же дал тебе расписание.

– Да, – быстро моргая, соглашается Грета, – не уверена, что присоединюсь к вам во время ужина, так что давай встретимся завтра за завтраком.

Лицо Конрада сохраняет каменное выражение.

– Как тебе угодно, – говорит он, а затем, уже уходя, добавляет: – Мы либо увидим тебя, либо нет.

Когда он скрывается из виду, Бен тихонько присвистывает:

– Значит, это ваш папа?

Грета с трудом кивает.

– Теперь вы, должно быть, готовы выпить.

Но она не готова, потому что неожиданно чувствует себя изможденной, и ей хочется остаться одной.

– Думаю, я вернусь к себе, – говорит она Бену, уже направляясь к деревянным дверям.

– Разумеется, – следует он за ней. – Я, наверное, сделаю то же самое. Мне нужно выставить отметки за выпускные эссе. – Она скептически смотрит на него, и он смеется: – После нескольких чашек кофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.